

Надежда Первухина

Все ведьмы делают это!

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Имя для ведьмы

Надежда Первухина

Все ведьмы делают это!

«Первухина Надежда»

Первухина Н. В.

Все ведьмы делают это! / Н. В. Первухина — «Первухина Надежда», — (Имя для ведьмы)

ISBN 978-5-9922-1318-8

Пока потомственная ведьма Викка, она же законная жена известного писателяфантаста Авдея Белинского, в шкуре дракона бьется в магических застенках, ее муж совместно со своей тещей, бывшим полковником налоговой службы, и ее супругом, магом высшей категории, как лев сражается за свободу жены, не пренебрегая при этом вниманием ослепительной красавицы-японки Инари Такобо...

ISBN 978-5-9922-1318-8

© Первухина Н. В.
© Первухина Надежда

Надежда Первухина

Все ведьмы делают это!

Как обещала, смиренно и почтительно посвящаю сей скромный труд Петру Николаевичу Пальцеву, самому человеческому из всех вампиров и самому обворожительному – из оборотней...

P.S. Мой любимый, прости, следующее посвящение – точно тебе!
Автор

Возможно, вы не поверите мне. И даже подумаете, что я лгу. Ведь то, о чем я расскажу вам сейчас, случилось не в давние времена...
Акутагава Рюноске

– А сегодняшний наш репортаж мы ведем из образцовой специальной женской колонии УЗИ 567-9000, где совместными трудовыми и педагогическими усилиями работников управления исполнения наказаний и, что самое главное, женщин-заключенных создана уникальная для нашего меркантильного и утратившего нравственные ориентиры времени община, воспитательному потенциалу которой поаплодировали бы и Антон Семенович Макаренко, и легендарные создатели Республики ШКИД!

Сдобренный человеколюбивым пафосом голосок телеведущей глухим эхом оседает на непредусмотрительно выхваченных бдительным оком телекамеры бурых осклизлых стенах, напоминающих о тяжелой судьбе всех, вынужденных из года в год питаться суточным борщом и шницелями из селедочных хвостов. Оператора просто рефлексивно передернуло. Он мысленно поклялся, что никогда не нарушит закона до такой степени, чтобы попасть в подобный равелин.

– Ты что снимаешь, Гена? – ласковой коброй прошипела блондинистая корреспондентка в краткую минуту отключения эфира. – Тебе шеф русским языком приказал: только оптимизм! Плакаты! Транспаранты! Отдельно и крупным планом – творчество этих чертовых баб! У нас тема передачи: «И за решеткою тюрьмы творим возвышенное мы», а ты, извращенец, принципиально высвечиваешь недостатки?! Очерняешь?

– Линда, ты меня достала конкретно, – холодно отреагировал на эту тираду оператор Гена и, вытащив из кармана пачку «Милд севен», принципиально и аристократически закурил под табличкой «Курить строго воспрещается». – Будешь вопить, уйду в ночные вести на коммерческий канал ТВ-0, там платят больше и не надо всякое тюремное фуфло снимать!

– Ладно, всё, заткнись, вон тюремное начальство идет! – Линда изобразила на лице дежурную филантропическую улыбку, а Гена поудобней пристроил на плече камеру. От суммы да тюрьмы народная мудрость никогда и никому не велела зарекаться, посему и изображали сейчас несчастные корреспонденты провинциального малобюджетного телеканала полную законопослушность и глубокое уважение по отношению к надвигавшемуся на них атомоходу женского рода.

– Ну че, – неожиданно тонким сопрано прогудела женщина-атомоход. – Интервью у наших просветленных будете брать?

– У кого?! – невнятно поперхнулся «Милд севроном» Гена.

И тут же получил острым локотком телеведущей в бок: не задавай idiotских вопросов!..

– Так мы, собс-с-с-ственно... – Улыбка Линды по отношению к женщине-атомоходу заискрилась обаянием, как уют при коротком замыкании. – Мы ведь за этим и пришли.

– Ну че... – Видимо, тезаурус тюремной дамы не отличался особым разнообразием. – Идите за мной. Тока это, в коридорах и камерах съемка запрещена! Потому как... это... режимный объект.

– Шаг влево, шаг вправо – приравнивается к побегу... – совсем уж неслышно подиссидентствовал оператор Гена. Его, как представителя мужской, а значит, элитарной, части человечества, при одной мысли о том, что он будет запечатлеть на ценную видеопленку каких-то непотребных баб, да к тому же мотающих срок преступниц, просто коробило. А также плющило и колбасило. Но он, как всякий истинный мастер своего дела, умел наступать на горло собственной песне. Тем более что телекомпания, хоть и бюджетная, хоть и нищая, а денежки ему за работу заплатит. А денежки – они всегда денежки.

– Пришли. – Атомная баба распахнула мощной дланью затейливо обитую рейкой дверь.

«И прекрасная Отикубо, едва наступил час рассвета, раздвинула фусума, омочив горячими слезами рукав своего скромного хитэ, ибо ее возлюбленный был вынужден покинуть ложе Третьей Ночи, дабы приступить к своим обязанностям тюнагона Восточных покоев...»

Представители телекомпании слегка затравленно оглянулись. Им показалось, что они попали то ли в клуб поклонников японского искусства, то ли на лекцию об основах ароматерапии. И, что самое странное, кажется, они в своих предположениях не ошиблись.

К бабище в погонах, сопровождавшей прессу, с улыбкой и поклоном подошла-подплыла женщина с подведенными сурьмой узкими глазами и набеленным лицом. Именно она читала вслух о страданиях несчастной Отикубо, когда появились гости. Линда окинула оценивающим взглядом наряд странной дамы: по цвету и фактуре ткани – явная тюремная роба, а по фасону – натуральное японское кимоно.

– Добро пожаловать в наш Приют Обретения Гармонии! – еще раз кланяясь, сказала дама.

Начальница сочла необходимым внести некоторые пояснения для прессы:

– Это и есть ихняя, то есть наша, община. Вот, снимайте. Старшая вам все доложит, интервью возьмете, поделки поглядите... У вас на все про все сорок минут. А я пойду – у меня еще дела на вверенном объекте.

Корреспонденты вышли из ступора и профессионально заоглядывались по сторонам в поисках лучшего ракурса для съемки... И ведь было им на что посмотреть!

На окнах, которые с внешней стороны, разумеется, были забраны решеткой с частым переплетом, висели длинные циновки явно ручной работы. На одной из циновок (судя по комментариям той же набеленной дамы) искусно была выписана Фудзияма в кольце кучерявых облаков, на другой – ветка цветущей сакуры, а третья изображала членов императорской семьи во время церемонии ханами. Пол был застелен татами, на нем в элегантно беспорядке лежали подушки-дзабутон, предназначенные для сидения. Но из нескольких женщин, находившихся в комнате, никто не сидел: они все, как по команде, встали с изящным синхронным поклоном, едва вошли посетители. Окончательно добило женское самолюбие Линды наличие двух шелковых ширм с вышитыми на них драконами, танцующими в персиковом саду. Линда всю свою сознательную жизнь мечтала иметь эксклюзивную ширму с приколотыми к ее углам круглыми сяопинскими веерами! И никогда никакой зарплаты не хватало! А тут, у этих арестанток – нате, пожалуйста...

– Добрый день, – суховато поздоровалась она. – Мы из местной телекомпании, по поручению мэрии. Прослышав о вашем образцовом... образе жизни, присланы сделать репортаж. Кто из вас, простите, старшая?

– Недостойнейшая, если когда и была старшей среди этих женщин, мудростью своею подобных Сэй-Сёнагон, то только в силу своих преклонных лет. – К корреспондентам величавой поступью, как-то не вязавшейся с уничижительными оборотами речи, подошла женщина, которую сразу хотелось назвать дамой. Действительно, выглядела она очень пожилой, но благо-

родный цвет лица и почти царственная осанка делали определение ее возраста весьма затруднительным. Уж на что у Линды глаз был наметанный, а и она оказалась в тупике.

– Для начала, пожалуйста, представьтесь, – давая знак Геночке включать аппаратуру, сказала Линда.

– Находясь в этой комнате Просветления и Обретения Гармонии, мы, словно грязную обувь, оставляем за порогом свои мирские имена, – под одобрительный шепоток остальных «просветленных» с легким поклоном ответствовала пожилая дама. – И здесь вы можете называть меня госпожа Мумё – «Безымянная флейта».

При этом глаза женщины на миг вспыхнули яркой зеленью, но тут же взгляд ее угас, стал обычным: предупредительно-равнодушным.

– Как красиво! – восхитилась вслух Линда, а про себя подумала: «Небось сидишь ты тут по статье за вооруженный разбой и зовут тебя как-нибудь типа Сонька Костяная Ручка! Это только на вид вы тут все – божьи одуванчики...»

– Я возьму на себя смелость представить остальных, – сказала госпожа Мумё и стала указывать рукой на каждую из женщин: госпожа Ина-каэдзи («Не изменю!»), госпожа Фусими («Потупленный взор»), Тамахоси («Жемчужная звезда»), Асунаро («Кипарис»), Кагами («Зеркало») и, наконец, госпожа Ама-но кавара («Небесная река»).

Все представленные женщины почтительно кланялись. Геночка только успевал водить камерой, запечатлевая на пленке благообразные, лишенные возраста лица, накрашенные, как у гейш, которых он видел только на картинках. А Линда вдруг придушенно взвизгнула: из широкого рукава кимоно госпожи Мумё деловито выбралась крупная темно-серая крыса и, удобно устроившись на запястье этой странной женщины, принялась умываться.

– Не пугайтесь! – успокоила Мумё Линду. – Эта госпожа крыса – наш, как бы выразиться посовременнее, талисман. Крыса – символ жизненной энергии, а также достатка и благополучия. Она первой из всех зверей ухитрилась получить благословение Будды...

Геночка снял и усатый талисман. Крупным планом.

– Скажите, – Линда всерьез принялась за интервью, – а откуда у вас всех такой пристальный интерес к японской культуре...

– ...а также искусству, литературе и философии? – подхватила величавая старуха Мумё. – Видите ли, это помогает нам не только ощутить себя полноценными людьми, хотя и отделенными от всего общества тюремной стеной, но и совершенствовать свой дух, разум, дабы не озлобиться и не отчаяться. Мировоззрение Страны цветущей сакуры для этого подходит идеально. Мы стремимся к достижению внутренней гармонии и постижению внешней мимолетной красоты... Знаете ли вы, что такое дзуйхицу?..

– Да, да... Ген, ты снимай давай, не особо отвлекайся. Скажите, мм, госпожа Мумё, а вся эта обстановка приобретена для вас... руководством специально?

– Нет, что вы! Все, что вы видите, – Мумё изящно обвела рукой комнату, – сделано нами, недостойными...

– Вот как! (Гена, возьми крупным планом вышивку на ширме...) Но где же вы взяли материалы для поделок, литературу...

– Все это мы получили благодаря нашим покровителям, или, как теперь говорят, спонсорам, да продлят бодхисатвы их дни!

– Нами Амиду Буцу! – прошелестело на устах остальных японизированных эков женского пола.

«Ну, конечно, спонсоры! Как же иначе! Почему-то самые платежеспособные мужики достаются самым отстойным бабам!» – мысленно съязвила незамужняя Линда, чей основной «спонсор» никуда не годился ни в материальном, ни в интимном плане. Просто был непосредственным начальником. И отдаваться ему приходилось практически на благотворительной основе. Как говорится, лучше уж раз отдаться, чем долго и нудно объяснять, почему тебе этого

не хочется (и потом получить выговор за нарушение трудовой дисциплины)... А все вышеизложенное, как известно, вовсе не способствует достижению полноценного оргазма.

– А кто является вашим спонсором? – коварно решила поинтересоваться Линда, отвлекшись наконец от собственных размышлений и держа микрофон как грозящую взрывом гранату.

– Наша маленькая община находится под патронажем японского благотворительного центра, возглавляемого почтенным Акутагавой Степановичем Якудзой, японцем русского происхождения, в прошлом политэмигрантом, а теперь – человеком высокого милосердия, – сказала Мумё, одновременно демонстрируя веера с ручной росписью тушью по слоновой кости. – Благодаря финансовой поддержке его центра мы получаем все необходимое для нашего духовного совершенствования, знакомства с традициями Японии и ее искусствами. Прошу вас еще взглянуть на плоды труда наших недостойных рук!

Эти слова словно послужили сигналом для остальных женщин. Они сдвинули ширмы и подвели корреспондентов к невысоким столикам, на которых были разложены экспонаты, сделавшие бы честь любой выставке. Даже циничный кокаинист Гена восхищенно бормотнул: «Эксклюзив!»

– Вот нэцке. – Мумё взяла двумя пальцами искусно вырезанную фигурку сидящей на мешке с зерном крысы. Настоящая крыса при этом перебралась на плечо женщины и неодобрительно посматривала на корреспондентов. – В магазинах вы таких не увидите. Там продают жалкие подделки из гипса. А наша сестра, госпожа Тамахоси, вырезает нэцке согласно строгим канонам японского мастерства и из настоящих дерева и кости!

Госпожа Тамахоси поклонилась и достала из рукава своего кимоно небольшой нож странной полукруглой формы. Он даже на вид был смертоубийственно острым.

«Как же так?! – вихрем пронеслось в мозгу Линды. – Заключение не полагается холодное оружие! Она же таким ножом всю охрану перережет!...»

Как оказалось впоследствии, Линда была недалеко от истины.

Но пока госпожа Тамахоси лишь мгновенно и искусно обточила страшным ножом небольшой кусочек дерева и протянула Линде свежевыточенную фигурку той же крысы.

– Вам на память, – улыбнулась специалистка по нэцке. – Крыса приносит благополучие в дом.

Линда приняла дар, повертела его перед камерой, театрально повосхищалась и, вспомнив, что у них лимит времени, попросила заснять и другие «поделки». Здесь были расшитые дивными узорами пояса-оби и ритуальное фуросики с тысячекрылым журавлем, воспетое еще великим Кавабата, столики для чайной церемонии, маленькие поделки из белой глины, которые дарят детям на праздник Мальвы, искусно устроенный миниатюрный сад камней, где, как и полагалось, последнего камня не было видно, веера, театральные маски и акварели, где среди пейзажей, подписанных черными размашистыми иероглифами, неизменно встречалась крыса... А одна из женщин, упражнявшаяся в мастерстве японского стихосложения, смущаясь, прочла танку из созданного ею цикла «Стихи эры Годзиллы»:

Цвет сливы обрывает горный ветер,
Бушующий поток уносит лодку...
Но не страшны свирепые драконы
Тем, кто лелеет светлую надежду
И верит в силу бога Хепшиэнда...

Другая же дама, торопливо перелистав пухлый с золотым обрезом томик со стихами классических поэтов Японии, встала в декламационную позу возле ширмы с драконом и, изящно отведя руку с книгой, нараспев прочитала:

Дремал сиреневый дракон
Под флейту тростниковой чащи.
В глаза распахнутых окон
Заглядывало солнце чаще.
Играл неведомый ансамбль
Среди серебряного флёра.
И целый мир, и спящий сам
Казались вычурней фарфора.
Царил простой союз у них,
Все было белой нитью шито...
И на какой-то краткий миг
В иное раздвигалась ширма...

Даме поаплодировали. Она смутилась и спряталась за ширму.

– Вот такой удивительный мир существует здесь, в местах лишения свободы, где, казалось бы, нет возможности говорить о прекрасном и возвышенном! Но нет предела совершенству человеческой души, – бойко затараторила Линда, когда Гена взял ее кукольное личико крупным планом на финал. – Лишенные внешней свободы, эти женщины обрели свободу внутреннюю и вместе с нею – способность не только понимать, но и творить прекрасное! Нам остается только поблагодарить их за это и восхититься их талантом! Для вас передачу вели Линда Загоруйко и Геннадий Слизняков, телекомпания «ЭКС-Губерния».

Надзирательша-атомоход проводила корреспондентов до тяжелых цельнометаллических дверей, ведущих из темного узилища в царство свободы, и торопливо распрощалась.

– Товарищ начконвоя, прием, прием. Как, репортеры ушли? – раздался хриплый голос из портативной рации, торчавшей в кармане надзирательши.

– Так точно, товарищ начальник охраны, – рыкнула в рацию атомоходоподобная дама.

– Зайдите ко мне.

– Есть.

...Кабинет начальника охраны полковника Дрона Петровича Кирпичного отличался каким-то особым, возведенным в абсолютную степень, аскетизмом. Унылые серые стены, зарешеченные окна-бойницы без малейшего намека на шторы. Допотопный канцелярский стол, крытый вытершимся сукном, стальной не улыбочивый сейф, пара колченогих стульев и фикус, принимающий мученическую кончину в ржавой кадке, – вот и весь интерьер, окружавший главного человека женской колонии строгого режима. Единственной сентиментальной вольностью, которую начальник охраны позволил себе, был большой портрет товарища Дзержинского, вышитый крестиком по канве умелицами-заключенными.

Сам товарищ Кирпичный обликом и характером был во многом подобен своему кабинету. Во всяком случае, лицо его было столь же выразительно и эмоционально, сколь выразительна и эмоциональна может быть трансформаторная будка. В остальном полковник Кирпичный производил впечатление серьезного, многоопытного, крепкого мужчины, генетически лишенного навыка завязывать галстук и всем напиткам мира предпочитающего водку. В основном именно такой тип мужчин слушает слезливые шансоны типа «Давно ли я откинулся из зоны» и чрезвычайно импонирует женщинам, волею судьбы расставшимся с воздухом свободы сроком на десять – пятнадцать лет. Возможно, поэтому полковнику удавалось удержаться на своем посту пятнадцать с лишком лет, несмотря на все перипетии и хаос, которые царили в стране.

Когда начконвоя Ксения Погребец вплыла в кабинет полковника, тот задумчиво листал старые подшивки самиздатовской колониистской газеты «За свободу».

– Присаживайтесь, – кивнул он женщине-атомоходу. Та недоверчиво поглядела на хлипкие стулья и предпочла стоять.

– Я вот по какому вопросу хотел поговорить с вами, Ксения Васильевна... – Полковник отложил пожелтевшие ломкие газеты и старательно вдохнул, дабы начконвая не учуяла своим нюхом третьедневошного перегара. – Каков моральный дух в этом самом коллективе любителей Японии? Они ничего лишнего прессе не брякнули?

– Я проглядела видеозапись, прежде чем репортеров выпустить. Все вроде нормально. Девки наши выступили на уровне. Поделки показывали. Стихи читали.

– На жизнь не жаловались? Порядки не ругали?

Погребец пожалла мощными плечами, отдаленно напоминавшими пожарную помпу.

– Нет, товарищ полковник. А что?

– Подозрительно это, – полковник подпер кулаком подбородок и мрачно поглядел на фикус, – когда наш человек порядков не ругает и на власть не жалуется. Это сигнал.

– Какой сигнал?!

– Тревожный. Честно вам скажу, вся эта затея с японскими спонсорами мне с самого начала не нравилась. А теперь, когда про это дело еще и пресса унюхала, совсем не нравится.

– Ничего не поделаешь, – опять пожалла плечами начконвая. – Свобода слова...

Представители этой самой свободы слова, то есть Линда с Геной, оказавшись вне стен колонии, часа полтора топали по пустынной проселочной дороге до местной автостанции, периодически проклиная свою незавидную корреспондентскую долю и призывая всевозможные несчастья на гениталии их непосредственного начальника, который сейчас, конечно, греет зад в своем кабинете с евродизайном, пока они тут загибаются от холода, дожидаясь рейсового автобуса. Когда рейсовый пазик, чахоточно дрожа, наконец подошел, корреспонденты воспрянули духом и бойко втиснулись в автобус промеж сумрачных поселянок, нагруженных мешками с капустой и садками с галдящими гусями. Так они добрались до города и в на редкость полном согласии решили сначала выпить по коктейлю в ближайшем баре, чтобы снять стресс, успокоить нервы (как известно, нервы у творческих натур – материал весьма непрочный)...

– На студию попасть всегда успеем, – сказал Гена. – На хрена им там сейчас этот материал? Пойдет в завтрашнем новостном блоке.

Линда согласилась. Только сейчас она почувствовала, как пересохла ее нежная гортань от спертого тюремного воздуха, к которому неуловимо примешивался аромат то ли сакуры, то ли персика. И к тому же осенний промозглый ветер, срывающий с деревьев последнюю листву, заморозил субтильно одетую корреспонденточку аж до бантиков на тонких кружевных трусиках.

Ближайшим «баром» была студенческая забегаловка, официально именовавшаяся «Встреча», а в народе известная под названием «Трахнули по-быстрому». Но коктейли там подавали хорошие, почти правильные.

– И ты считаешь, что они, ну, эти зэчки, действительно обрели как бы... гармонию духа? – спросил Гена свою коллегу, осушив хайболл с «Кровавой Мэри».

– Хрень собачья! – авторитетно ответствовала Линда. – Я этой старой козе, самой главной, в глаза-то глянула. И знаешь, у меня такое ощущение было, будто она натуральная ведьма и жуткая сволочь, которой одно удовольствие притворяться этакой правильной, чистенькой, умненькой и благородной. Мне кажется, что все эти просветленные бабы мотают срок или за убийство или за что-нибудь похлеще. – Линда нервно глотнула поддельного айриш-крима и слегка поморщилась: изжога ей теперь гарантирована. Ладно, может, шеф вечером шампанским угостит. В постели. Сукин кот.

– Что же может быть хлеще убийства? – усмехнулся Гена, возвращая Линду к разговору.

– Не знаю... А, ладно, пошли они к черту! Мы свое дело сделали. Если еще о каждой бабе, про которую я лепила репортаж, думать, моих мозгов не хватит.

– Это точно, – подколот Гена. – Зачем такой красивой да еще и мозги. Зато с ногами у тебя полный порядок. И с тем местом, откуда они растут.

– Паскудный козел, – без обиды в голосе сказала Линда. – Все вы, мужики, в одном месте клонированные. И все сволочи.

– А то, – усмехнулся Гена. – Ладно, завязывай пить. Поехали на студию, а то главный закатит истерику из-за того, что у нас простой.

И они вышли из бара, причем Линда, расплачиваясь, решительно оставила рядом с пустым бокалом подаренную ей фигурку крысы. Чем впоследствии и спасла свою молодую жизнь.

...А набеленные и насурьмленные по японским правилам женщины после ухода корреспондентов аккуратно прибрали комнату, умылись, сняли кимоно, оказавшись в арестантских робах с нашитыми номерами, и разошлись по камерам. Но прежде чем разойтись, они обменялись одним им понятными знаками, поклонились той, что называла себя Мумё, и сказали:

– Крысу не удержат в садке.

– Ее дороги известны только ей, – ответила Мумё и, усмехаясь, добавила: – Включите завтра телевизор, сестры. Посмотрим, как мы выглядим в эфире.

* * *

Став ведьмой, она позволила себе не следить за собой.

Д. Андайк

– ...В эфире ваше любимое «Еж-радио», если вам не спится и вы настроились на волну 0,13 и 13 WM. С вами я, Вика Белинская, ведущая этого часа, и мы с моим постоянным демоном-джеем обещаем вам много хорошей музыки, немного рекламы и обязательный блок наших новостей. Доброй полуночи всем полуночникам! Оставайтесь с нами, даже если вы летите на шабаш! И кстати, пусть сейчас прозвучит песня для тех, кто летит на шабаш.

Снова светит полная луна,
Снова вы находитесь в полете.
И покуда дрыхнет вся страна,
Ведьмы, вы ничуть не устаете.
Не страшны туманы и дожди,
И метеоритные потоки,
Тем, кто помнит все свои пути
На далекий незабвенный Бро-о-окен...

Покуда в эфире шла песня, я налила себе кофейку и выслушала новый анекдот от джея, чтобы обрести бодрость, необходимую для работы за пультом. Это только в песне поется, что ведьмы ничуть не устают. Я устаю. Хотя я настоящая ведьма.

Когда я говорю об этом, следующей моей фразой обычно бывает: «Так уж получилось». И действительно, так уж получилось, что я родилась ведьмой и вела скромную, небогатую событиями жизнь, соответствующую своему статус-кво, покуда не попала во всякие приключения. И не встретила своего будущего (а теперь настоящего) мужа.

Мой благоверный, с коим я целуюсь, ругаюсь и опять целуюсь вот уже на протяжении пяти с лишним лет супружеской жизни, – Авдей Белинский, писатель, прочно окопавшийся в лагере сторонников нетривиальной фэнтези. Ну, если вы читали его романы, значит, понимаете, о чем речь. А если не читали – зайдите в любой книжный магазин... Нет, правда, зайдите. Полки с его книгами тянутся где-то примерно метра на три. По моему мнению, это свидетель-

ствует о его гениальной плодовитости (также о его гениальной плодовитости свидетельствуют наши дети, но о них позже).

То, что я, супруга писателя, – ведьма, смущало самого писателя только до свадьбы. Мы даже чуть было не расстались на почве конфликта по поводу моих паранормальных способностей. Но, как говорится, *omnia vincit amor*, то есть любовь все побеждает. В данном случае любовь тоже победила, и Авдей сделал мне предложение... Ну, наверное, то, что он сделал, *можно считать предложением* руки, сердца и прочих существенно важных органов...

После свадьбы Авдей стал находить в моей ведьмовской природе даже нечто пикантное (хотя на самом деле, по-моему, сработало обычное мужское тщеславие: как же, у всех жены – просто жены, а у меня еще и ведьма!).

Впрочем, в быту я постаралась свести применение своих магических способностей к минимуму, тем более когда родились Марья и Дарья, наши близнецы-первенцы. Девчонки они замечательные и, благодарение небесам, кажется, наследственностью пошли не в маму-ведьму, а в папу-писателя. Авдей, кстати, очень мечтал о сыне, но, когда родились девочки, стал трястись над ними, как над уникальной коллекцией бриллиантов. Правда, поначалу муж настаивал, чтобы имена у девчонок были какие-нибудь оригинальные, например Аделаида и Евфросиния, но я проявила твердость и настояла на своем. Имя – штука серьезная. Оно может потребовать от тебя поступков, плавно переходящих в подвиги. Поэтому пусть мои дочки носят простые имена...

До рождения девочек я работала в специальной полуночной библиотеке, открывавшей свои тайные двери для магической и оккультной публики: оборотней, колдунов, вампиров, привидений... Когда появились дети, работу я оставила, три с половиной года занимаясь стиркой пеленок, приготовлением молочных смесей, переживаниями по поводу режущихся молочных зубов, ветрянки, краснухи и дисбактериоза... В одном девчонки здорово облегчали мне задачу: если они болели, то вместе. Вместе же и выздоравливали.

Разумеется, муж во всем мне помогал (во всяком случае, я не развеивала его уверенности в этом). В основном же я предпочитала управляться сама, если не считать периодических набегов к нам в Москву моей мамы, Татьяны Алексеевны Либенкнехт. Мама, дослужившись до полковника налоговой полиции, вышла в отставку и при попустительстве своего мужа, Калистрата Иосифовича Бальзамова, мага на службе у закона и когда-то моего наставника, погрузилась в изучение оккультно-этнографических традиций разных народов. Сейчас, в частности, она серьезно занималась вопросами мистических традиций средневековой Японии и изредка присылала открытки с видами Токио, старых провинций Киото и Хоккайдо.

Когда Марья и Дарья вошли в возраст, именуемый детсадовским, то есть научились без слез есть манную кашу, надевать колготки *не-задом-наперед* и путем эксперимента выяснили, что Дед Мороз – это переодетый папа, я заявила мужу, что более сидеть дома не намерена, а посему буду искать себе подходящую работу. А девчонки – ничего, в детском саду не пропадут. Они смогут за себя постоять. Вон, третьего дня они, хором исполняя песню группы «Любэ», загнали на дерево соседского бультерьера по кличке Сволота Залетная, чем заслужили от хозяев собаки репутацию настоящих бандиток.

Поэтому Авдей не особенно возражал, когда я определила девчонок в детсад неподалеку от дома. Он только просил, чтобы я подыскала себе какую-нибудь спокойную работу, не отнимающую много времени. В библиотеку мне возвращаться не хотелось – слишком много с «аптекой для души» связано грустных воспоминаний. К тому же столичные коллеги по сему ремеслу вызвали у меня чувство какой-то провинциальной неполноценности. В моем родном городе, где я жила до замужества, библиотека функционировала по старинке: регистрировала читателей при помощи авторучек и бумажных формуляров, газеты в папки подшивались обычным шнурком от ботинок и все книги не снабжались магнитными индикаторами, предотвращающими их незаконный вынос... А московские читальни с их ноу-хау, сетевыми

ресурсами и переименованием читателей в пользователей, а книг – в «документированную дискретную информацию» наводили на меня тихую тоску. Видимо, я все-таки консервативна. В некоторых вопросах. И поэтому радуюсь тому, что в той моей библиотеке на Тихой улице вместо меня ночным библиотекарем теперь работает Букс. Забавный выходец из макулатурной кучи в последнее время превратился в настоящего джентльмена, стал носить строгие форменные костюмы из оберточной бумаги и прекрасно справлялся со своими обязанностями. Кроме того, он должен был вот-вот жениться, подросла его невеста. На свадьбу обещал пригласить...

Словом, идею библиотеки я отбросила. И тут мне повезло. Группа молодых инициативных московских привидений решила создать радиостанцию для нелюдей (и не совсем людей), вещающую, естественно, по ночам и на волне, которую могут уловить только те, кто не чужд магии. Привидениям требовались на работу коммуникабельные, остроумные и в полном смысле слова *живые* ведущие, не боящиеся прямого эфира. И я предложила свои услуги...

Вы спросите, почему я, истинная ведьма, когда-то прошедшая Обряд Тринадцати, дающий просто неограниченную магическую Силу, я, женщина, одним мановением руки способная вызывать ураган (как минимум), панику на фондовой бирже, ввод войск НАТО в Саудовскую Аравию и падение курса доллара вместе с импичментом президента США (как максимум), предпочла жить и работать как обычный нормальный человек? Зачем же, справедливо спросите вы меня, ты обрела Силу и всякие там Тайные Знания?..

А вот захотелось мне так! Вообще, господа, пора покончить со стереотипами, рисуемыми ведьму как вздорную, вульгарно накрашенную и лишенную всякой морали бабу, озабоченную лишь варкой приворотных зелий и сведением с ума и без того недалеких мужчин, бормочущую заклинания и наводящую порчу на кого ни попадя. Забудьте! Современная ведьма, равно как и многие другие представители магического большинства, не должна быть чужда актуальным веяниям дня. Вот. А если кто-то хочет подискутировать со мной на эту тему, пусть не переступает рамок корректности. Иначе остаток дней своих ему придется провести в каком-нибудь зоозкотариуме в качестве оригинального и редкого экспоната...

Дем-джей поднял вверх указательный палец с длинным загнутым когтем, что означало: не расслабляйся, детка, заставка проходит, сейчас ты будешь в эфире. А что, я готова! Три, два, один...

– Итак, с вами снова «Еж-радио» и я, Вика Белинская, знакомлю вас с новостями ближайшего часа.

...Новости у нас всегда проходят под фонограмму «Ночи на Лысой горе» Мусоргского в современной обработке нашего фантома-программиста Бори Гатоса. Очень эффектно получается. Я слежу за бегущей строкой и выдаю плавным речитативом:

– Спонсор выпуска новостей – страховое агентство «Тихая нежить». Все виды социальных гарантий для нелюдей постпенсионного возраста. Квалифицированные специалисты защитят ваш интерес в делах любой сложности. Помните: вам не дадут о себе забыть! А теперь – собственно новости. Из официальной хроники. Прошедшее полнолуние ознаменовалось рядом международных слетов под общим лозунгом «Ведьмы за сохранение биосферы Земли». Ряд письменных и устных соглашений продемонстрировал неуклонный рост экологической сознательности представительниц разных стран и сообществ. В частности, практикующие вудуистки южноафриканского племени зазанусси подписали мораторий на использование крокодильих слез и гениталий гепарда в своих ритуалах... Мораторий принят сроком на пять лет, за это время поголовье исчезающих животных должно возрасти. Или хотя бы научиться бегать быстрее, чем вудуистки, чтобы спасти свои... репродуктивные органы.

Дем-джей быстренько прокручивает магнитофонную запись хохота целого зала в эфир, чтобы аудитория по достоинству оценила вышеприведенное сообщение. А я продолжаю вещать, только теперь «Ночь на Лысой горе» сменилась сентиментальной «Муркой»:

– Криминальная хроника. Очередные разборки между солнцевской группировкой вампиров и молодчиками из национал-шовинистской партии «Оборотни России» привели к кровопролитию, жертвами которого стали несколько десятков лабораторных крыс, подготовленных к отправке в одну из московских косметологических лабораторий. «Оборотни России» известны как скандальная неформальная организация, пропагандирующая чистоту крови и вида и постоянно упрекающая вампиров в их неразборчивости и отсутствии патриотизма. Глава солнцевских вампиров выступил с ответным заявлением и пообещал подать в суд, мотивируя это тем, что партия «Оборотни России» не является зарегистрированным политическим органом, а только (цитирую) «бандой волосатых хулиганов».

– Ну что, слушаете песенку в темку? – опять вклинивается дем-джей.

Такая уж у нас с ним особенность подачи информации – порционно и с песнями. Чтобы интересней слушалось (имеются в виду те, кто, оккультизировавшись, не утратили и простых человеческих способностей и эмоций)... Как там в песне-то поется?..

Я с девчонкой своей не целовался ни разу,
Я еще не купил себе автомобиль.
Но однажды меня укусил красноглазый,
Удивительно странный и злой нетопырь!

И мое сердце остановилось!
Мое сердце замерло!
Ох, мое сердце остановилось!
Да, мое сердце замерло!

У меня теперь странное что-то со зрением,
Что-то с гемоглобином и челкой на лбу...
В зеркалах больше нет моего отраженья,
И весь день я теперь отдыхаю в гробу!
Ведь мое сердце остановилось...

И далее в том же духе. Бодренькая песенка, рекламирующая здоровый вампирский образ жизни. Ладно. Следующим я поставлю свой любимый сингл известного вудуиста Урии Бурчука «Что такое шабаш – это просто». А пока – продолжим новости:

– «Студия Ирреал-рекордз» приступила к записи оккультной версии мюзикла «Нотр-Дам де Пари», созданной при информационной поддержке французских специалистов-историографов, лично присутствовавших при всех событиях, изложенных в гениальном произведении Виктора Гюго. Абсолютно новое видение всем известной трагедии человеческой любви скоро появится на лицензионных видеокассетах. Остерегайтесь подделок!

– Даншак малёр шерше ля фам! – очень вольно произнес дем-джей известную поговорку о том, что во всех несчастьях следует искать женщину. А я не стала пояснять, что под «французскими специалистами-историографами» вообще-то подразумеваются те самые каменные мордастые химеры, украшавшие собой башни собора Парижской Богоматери.

– И последняя новость этого часа. О необходимости ввода лицензирования отдельных видов порчи и сглаза говорилось на недавней встрече руководства нашего города и представителей формальной магии. В связи с этим, уважаемые радиослушатели, наша станция пока приостанавливает прием рекламных наведений, то есть, простите, заявлений о наведении порчи. Подобные заявления в дальнейшем будут приниматься только при наличии лицензии и сертификата государственного образца. С новостями для вас – «Еж-радио» и Вика Белинская.

– Оставайтесь с нами! Не отключайте свои приемники! – разорвется дем-джей. – Через две с половиной минуты играйте с нами в интеллектуальное радиоказино «Кого? Когда? Чем?» в прямом эфире. Телефон для ответов (095) XXX-XX-XX. Готовьтесь к игре, а пока – песня!

Что такое шабаш – это просто
Время проживания без мужа,
Это просто время бегать босиком по лужам (2 раза),
И быть другого возраста и роста (громко)!
Шабаш, в небе мчит помело!
Ведьмы, как же нам повезло!
Сколько б не давил нас прогресс,

Ведьма будет и есть!
Пусть играет ночь на трубе,
Шабаш, кто поверит тебе?
Но, покуда ведьма жива, —
Ведьма вечно права!

Вести в прямом эфире вместе с демоном интеллектуальное радиоказино – наше изобретение. Пользующееся, кстати, не меньшей популярностью, чем известная российская игра с приблизительно таким же названием.

– Итак! – ревет дем-джей под вступительные аккорды «Призрака в Опере». – В эфир-ре интеллектуальное р-радиоказино «Кого? Когда? Чем?». Звоните нам, дар-рагие знатоки, и не забывайте, что главный приз победителю-знатоку – Хр-р-рустальный Дятел!

– Господа, внимание, первый вопрос. – В моем голосе теперь звучат строгость и официальность. – Его прислал к нам в редакцию домовой Перфилий Онуфрич Брысь. Стоимость вопроса десять тысяч рублей. Внимание, запись вопроса!

«Дорогие знатоки! – дребезжит с магнитофонной пленки голос домового. – Вот мой вопрос: остался малый ребяенок сиротинкою, попал к злым людям на воспитание и, кабы не помощь волшебная, в живых бы не остался... Как звать этого ребяенка?..»

– Есть первый звонок в студию! – ликует дем-джей и переводит телефон на трансляцию. – Кто отвечает?

– Отвечает литературовед Кисляйко из Перми, оборотень. Речь идет о Гарри Поттере. Бум-с! – траурно звучит гонг.

– Ответ неверен! – холодно говорю я. – А теперь слушаем правильный ответ.

«Это героиня русской народной сказки Крошечка-Хаврошечка».

– Ну что ж, ну что ж, первая неудача знатоков. – Демон быстро отключает телефон. – Десять тысяч рублей уходят замечательному домовому гражданину Брысю! Но игра продолжается! Хрустальный Дятел ждет своего победителя!

– Внимание, вопрос! Стоимость вопроса тринадцать тысяч рублей пятьдесят три копейки. – Строгостью тона я стараюсь скрыть усталость. Всю ночь за пультом – мало не покажется. – Вопрос задает вампир Арчибальд Птрускевич. Внимание!

«За этим человеком охотились все силы Тьмы, чтобы уничтожить его. Но могущественная защита помогла ему победить врагов! Кто этот человек?»

– Есть звонок в студию! – Демон опять переводит телефон на трансляцию в эфир.

– Отвечает литературовед Кисляйко из Перми...

От этого голоса у меня уже скулы сводит, а демон корчится от беззвучного хохота.

– ...Речь идет о Гарри Поттере.

Бум-с!

– Ответ неверен! – Я сдерживаюсь изо всех сил, чтобы не расхохотаться. – Правильный ответ: Конан, варвар из Киммерии!

– Я протестую! – пищит литературовед, но демон быстренько вырубает телефон и кричит:

– Тринадцать тысяч рублей и пятьдесят три копейки уходят вампиру Арчибальду Птрушкевичу. И на этом мы завершаем сегодняшнюю работу интеллектуального радиоказино. Слушайте нас завтра, в это же время!!!

Вау! Я свое отработала! Теперь можно спокойно отсоединить от лацкана кардигана микрофон, помахав ручкой дем-джею и отправляться домой. Как-никак третий час ночи. Мое эфирное время вышло, сейчас заступает одна малосимпатичная вампиресса, Ларочка Папанина, с апломбом и непрошибаемой самоуверенностью вещающая о последних веяниях моды, начиная от дамского белья, косметики и контрацептивов и заканчивая новейшими данными в разработке бактериологического оружия. Эфирное время заросшей прыщами Ларочки-кровососки всегда начинается с одной и той же неотразимой фразы: «Я тут пришла к вам похвастаться...»

Я выбралась из студии в сопровождении очередного анекдота, который дем-джеи выдавал в эфир:

– «Сегодня я видел живого гоблина!» – «Где?!» – «В фотоателье». – «И чего это он там делает?» – «Работает...» – «Кем?!» – «Кем, кем, кем... – Гоблином!»

И почему считается, что у демонов самое крутое чувство юмора?..

Наша студия располагалась в неприятном с виду коммерческом ларьке, круглосуточно торгующем дешевым пивом, жвачкой и презервативами. Правда, покупателей не находилось. Оно и понятно: подойди обычный человек, хоть и в сильном подпитии, ночью к такой палатке и попроси бутылку «Старого тельника» на опохмелку, увидит он в окошечке вечную грязную картонку с корявой надписью «Ушла на базу», опечалится и удалится восвояси, негромко горлая песню про то, что он мог бы служить в разведке, а при случае и сниматься в кино...

Но дело не в этом. А в том, что нормальные люди палатку-студию (которая внутри, разумеется, была гораздо больше, чем снаружи) обходили стороной. И общественный транспорт здесь был так же редок, как бронтозавр. Одним словом, «здесь птицы не поют, деревья не растут, и только мы, плечом к плечу, торчим зачем-то тут».

Я достала из сумочки мобильник и принялась вызывать такси, опасаясь, однако, что, услышав адрес, они откажутся принимать заказ (не раз бывало такое дело). Но на этот раз повезло. И машина приехала на удивление быстро, подозрительно осветив фарами мою одинокую незащитную фигуру на фоне пресловутой палатки. Я даже на расстоянии могла считать мысли водителя, как с листа бумаги: вот, еще одна шлюха трехрублевая, огребла, видать, с кого-то дуриком бабки и как порядочная такси заказала... Грубиян и пошляк ты, дядя. Ничего ты не понимаешь ни в жизни, ни тем более в шлюхах. Так что вези меня, извозчик, по гулкой мостовой и не вздумай грубить. На врачей потом разоришься...

Остановившись у подъезда, я глянула на окна родной квартиры. На кухне горел свет. Значит, Авдей опять не спит. Ждет меня и заодно творит очередной шедевр, потому как днем ему творить особенно некогда: встречи с читателями, тренажерный зал, солярий, бассейн... Нет, вы не подумайте, я тоже себя не обижаю и по большим праздникам выбираюсь-таки в бассейн, солярий, салон красоты и ароматерапии... Мне надо постоянно быть в отличной форме, чтобы у супруга при одном только взгляде на меня в груди загорался огонь желанья... Он же у меня творческая личность, певец мировой красоты, каковая пока для него сосредотачивается в моем привычном облике. А вокруг столько длинноногих юных искусительниц, так и норовящих приобщиться к тайнам творчества, а ежели повезет, то и в музы пробиться. Поэтому законная жена должна быть всегда великолепна и ни с кем не сравнима. Будучи ведьмой, это легко. Будучи просто женщиной... Надоедает. Ну да, маникюр, талассотерапия, массаж, солярий... А потом,

накупавшись в бассейне, разукрасив ногти и надышавшись сандалом, я еще затариваюсь продуктами на всю семью в ближайших супермаркетах и забираю из детского садика дочерей. При этом тщательно уложенная прическа как-то сама собой растрепывается, обязательно ломается ноготь или два (а это, милые дамы, просто трагедия!), и в результате пред очами возлюбленного супруга я предстаю в не слишком-то обольстительном образе загнанной домохозяйки. Но я не жалуясь! Потому что иногда из детского сада детей забирает муж, а это уже почти подвиг. Должен же муж чувствовать, что подключен к воспитательному процессу!

А еще... Но это, возможно, только мои домыслы... Мне кажется, Авдей рад тому, что я не летаю на шабашах, не устраиваю магических трюков в квартире и обеспечиваю ему жизнь, спокойную и ровную, как гладь зеркала. Я не мешаю ему творить. А он не мешает мне любить его и купать девочек на ночь... Полная демократия.

...Я тихонько пробралась на кухню и увидела, что в данный момент супруг подключен к компьютеру и вдохновенно лупит из огнемата скалящихся с монитора монстров. Бой шел беззвучно – слава святой Вальпурге, муж отключил аудиосистему компьютера. Вовсе не для того, чтобы грохот и стрельба не мешали спокойно спать нашим девочкам. А наоборот, чтобы девочки, привлеченные стрельбой, не примчались на кухню с криком: «Пап, дай поиграться!..»

– Добрый вечер, милый... А я думала, ты пишешь очередной роман, – поцеловала я в макушку своего домашнего гения. Он дернулся, как нашкодивший школьник, и покраснел. Потом вспомнил, что он как-никак взрослый дядя и глава семейства и приглушенно рассмеялся:

– Ты всегда меня застаешь врасплох. Вот что значит: жена – ведьма.

– Нет, это значит, что муж страдает интерактивным инфантилизмом...

– Чего-о-о? – грозно спросил Авдей и, отключив игрушку, принялся меня целовать. – Я без жены страдаю, вот. Без этого...

– Тепла родственной души? Ну, родной, ну я же на работе! Сходил бы к любовнице, что ли...

– Фу, надоело. Если хочешь знать, я тоже сегодня очень продуктивно работал. Вчерне набросал две главы.

– И куда ты их «вчерне набросал», а?! Опять мне убираться?

– Нэ пэрэбивай джыгыта, жэнчина! Я даже подвиг совершил: девочек наших из сада забрал.

– Вай, молодец, дарагой! В жизни всегда есть место подвигу...

– А завтра я буду ругаться с их воспитательницей.

– Серьезно?! Чем провинилась бедная женщина? Ее и так в жизни преследует злой рок в лице наших милых дочерей, тьфу, тьфу, не сплзить... Кстати, ты детей покормил?

– Да. Хотя они *сопротивлялись*.

– Йогурт?

– И рисовая каша. Та, что ты утром приготовила. Они сказали, что это обойный клей.

– Много они понимают. Можно подумать, мои дочери пробовали обойный клей! – с этими словами я достала из холодильника кастрюльку со злополучной недоеденной кашей. Попробовала. Гм-м.

– Я дал им чаю со сгущенкой и пончиками, – успокаивающе сказал Авдей, видя выражение моего лица в безуспешной попытке расклеить челюсти, намертво склеенные кашей. То ли рис такой некачественный, то ли кухарка из меня, как из утконоса фламинго. Стыдоба. За столько лет семейной жизни так и не научиться готовить... Нет, наколдовать-то я любые яства смогу за секунду. А вот заниматься готовкой, как все нормальные женщины, у меня почему-то не получается. Проверенный факт.

– Ладно, – сказала я, вываливая кашу в мусорное ведро. – Один вопрос решен. А из-за чего ты с воспитательницей решил поругаться?

– Из-за ее эзотерической безграмотности, – спокойно пояснил муженек. – Ты что на ужин будешь? Пончиков не осталось...

Но мне уже было не до ужина. Какое отношение эзотерика может иметь к вполне скромному детсадику и его персоналу?

– Подробности, – кратко потребовала я, наливая себе стакан обезжиренного кефира (все-таки мамины лекции по диетологии не прошли даром).

Авдей выложил на кухонный стол тонюсенькую ярко раскрашенную книжку. «Крошечка-Хаврошечка. Русская народная сказка», – прочла я название и озадаченно воззрилась на супруга.

Ну и что?!

– А то, – грозным шепотом начал втолковывать Авдей, – что эта, с позволения сказать, воспитательница детям не просто сказки рассказывает, а излагает их эзотерический подтекст!

Я глянула на часы. Скоро утро... Самое время потрепаться об эзотерике.

– И какой же эзотерический подтекст воспитательница нашла в «Крошечке-Хаврошечке»? – утомленно склонила я голову на плечо супругу. – И на фига детям этот самый подтекст?

– Оказывается, – вещал Авдей, – в этой сказке зашифрована система культов наших древних предков. Оказывается, корова – это тотемное животное, обладающее магической силой Матери-Земли! И для Крошечки-Хаврошечки она была не просто дойной скотинкой, а культовым животным, открывавшим ей Тайные Знания! Ты подумай, чему в детском саду детей учат!

– Ага, – рассеянно согласилась я. После прямого эфира не было сил возмущаться глупостями какой-то начитавшейся дешевой эзотерики тетки. – А ты как об этом узнал-то?

– Машка при воспитательнице спросила меня, может ли наша Фуфуня считаться тотемным животным. А Дашка ляпнула, что теперь мы должны приносить Фуфуне кровавые жертвы, чтобы сохранить кармическое равновесие в нашей квартире. Я чуть весь детсад не разнес. Не понимаю, куда другие родители смотрят...

Авдей еще немного повозмущался для порядка, а потом смолк, ласково дыша мне в ухо, точь-в-точь как Фуфуня.

Кстати, упомянутая Фуфуня – всего-навсего крошечная джунгарская хомячиха с печальными глазами и несуетливым характером. В основном она пребывает в трех состояниях: спит, ест или спасается бегством от чересчур любвеобильных Машки с Дашкой. Хм. Пожалуй, стоит на недельку-другую объявить Фуфуню тотемом, чтобы девчонки ее поменьше тискали.

– Ты уже спишь, Вика... – Муж подхватывает меня и уносит в спальню. Здорово. Не так часто он в последнее время меня носит на руках. Или я действительно сплю?

Хитрый Авдей. Уложит меня тут одну, а сам опять уползет на кухню – к компьютеру, монстров бить или писать очередной роман... Нет уж, сейчас и его уложу спать.

Можно же иногда поколдовать. На благо собственного мужа.

Главное, не забыть утром проснуться, чтобы отправить детей в сад. Сама отведу. Погляжу, что у них там за эзотерика...

* * *

– Надеюсь, вы не сомневаетесь в опытности нашего эксперта?

– Ну что вы! Я верю, что он опытен, и верю, что он ваш.

Г. К. Честертон

– Что у них там за эзотерика?! Они поглощают книжки, написанные безграмотными и лишенными благодати Просветления неучами и разглагольствуют о Тайном Знании с таким умным видом, словно и впрямь обрели его!

– Верно. Это подобно притче о глупом рыбаке, посчитавшем, что в его сети попали не водоросли и мусор, а замечательный тунец, – с задумчивой усмешкой произнесла немолодая женщина в арестантской робе. В ее пальцах, словно живая рыбка, посверкивал нож, сыпалось деревянное крошево, и через какое-то мгновение женщина поставила на пристроившийся у ее ног овальный столик маленькую резную фигурку. Нэцке. Остромордая крыса, грациозно изогнувшаяся над самурайским мечом. Помимо нее на столике уже стояли крысы с натянутыми луками, со щитами и копьями в узких лапках. Крошечные деревянные клыки хищно скалились, а глазки поблескивали, как у живых зверьков...

– Ты сделала настоящую крысиную армию, Тамахоси-сан, – сказала женщина, возмущавшаяся эзотерической невежественностью. Она тоже носила арестантскую робу с номером, но это вовсе не портило ни изящества ее фигуры, ни холодной красоты молодого лица. Если бы сейчас здесь оказались корреспонденты Линда и Гена, они бы узнали в этой тюремной красавице ту, которая скрывалась под труднопроизносимым именем Ама-но кавара – Небесная река...

– Ты слишком высокого мнения о моей недостойной работе, сестра. Госпожа часто, наоборот, упрекает меня за излишнее своеволие и вольную трактовку древних канонов... Может быть, и я подобна тем безумцам, которые взялись рассуждать о Небесном на основании неграмотных записок какого-нибудь нетрезвого выпускника института философии...

Тамахоси сдула невесомые пылинки с острия своего ножа и неуловимым движением спрятала его в брезентовый чехольчик, искусно вшитый в рукав.

– Будет ли сегодня медитация? – спросила она Небесную реку. – Я чувствую в себе истощение светлого начала.

– Госпожа не оставит нас без ежедневного внимания! – успокаивающе шепнула Ама-но кавара и аккуратно присела на краешек койки своей сокамерницы. – Наши сторожа ни в чем не препятствуют ей. Она обладает даром. Мне не впервой мотать срок, но такого форта еще не было... Ой, прошу извинения, что снова перешла на вульгарный язык. Я хотела сказать...

– Да врубилась все конкретно, че ты хотела прокуковать, кукушка самурайская! Завесь шконку! – неожиданно подала голос третья женщина, доселе дремавшая на верхних нарах. Она высунула из-под серого байкового одеяла всклокоченную голову и сверху вниз насмешливо взирала на беседовавших. – Не запахло вам еще и в камере ботать по японской фене?

Обе женщины остро глянули на нее.

– Не забывайся, Ина-каэдзи, – ровным голосом, от которого у нормального человека поползли бы по спине мурашки, сказала резчица деревянных крыс. – Твое имя значит, что тебе чужда измена. Но если в своем сердце ты не прониклась учением Госпожи, берегись! Изменишь нашему пути – не увидишь свободы и Света!

– Ой, да не бери меня на понт, Тамарочка! – растягивая слова, всклокоченная женщина резво спустилась с лежака и встала, уперев руки в бока. – Я ж не твоя пятилетняя дочка, мне ты, как ей, глотку не перережешь... Сплю я чутко. И бью метко. Знаю я, какая ты праведница...

Тамахоси-Тамара резко побледнела, дернула головой, и в ее глазах загорелся нехороший огонь. Но, видимо, она уже научилась владеть своими эмоциями. Поэтому она ограничилась только ядовитым замечанием в сторону Ина-каэдзи:

– Что ж, Ириночка, спасибо, что напомнила мне про мои грехи. Тебе про твои напомнить? Это, кажется, ты была помощницей того парня, ну, который отлавливал всяких мелких бродяжек, особенно пацанов, и перед видеокамерой вытворял с ними такое, что даже ментов на экспертизе выташнивало? Это ты, добрая тетя, давала мальчику конфетку или дозу и вела его к маньяку?..

– Заткнись, сука! – зарычала Ириночка. Все ее веселое спокойствие как ветром сдуло. – Это брехня! Прокурор пургу мел! И потом... они все равно были беспризорниками! А ты... ты – убийца собственной дочери!

Женщин, некогда умиленно внимавших красоте классического японского романа-моногатари, теперь было не узнать. В атмосфере камеры явно ощущалось наличие свободного электричества, грозящего взрывом убойной силы...

– Ты...

– Ты...

– Эй, эй, а ну хорош шуметь, девки! – злобно-испуганно заорала третья заключенная. Злобно потому, что в глубине души ненавидела их обеих – и старую стервозу Тамахоси-Тамару и стервозу помоложе – Ирину-сводницу. А испуг в крике Небесной реки звучал тоже не от простой женской нервозности: она вовсе не дура была, понимала, кем были ее товарки и что никакая японская полироль не могла отлакировать шершавые души убийц и рецидивисток. Хотя по сравнению с ними Небесная река, а по паспорту – Пустякова Римма Сергеевна, погорела на преступлении ничтожном: ввозе в Россию из Вьетнама трехсот граммов героина...

Тамахоси не вняла голосу разума и с явным наслаждением вцепилась в волосы Иринки-сводницы. Та приглушенно взвыла и двинула резчице по дереву пряменько в солнечное сплетение.

– Вертухай набегут, дуры! – металась по камере Небесная река. – Всем абзац! Заметут параша чистить!

И тут в обитую железом дверь камеры бухнули. Возможно, что прикладом. Открылось крошечное зарешеченное окошечко:

– Эй, японки! Выходи на медитацию!

Этот окрик подействовал на драчуний волшебным образом. Они мгновенно отпрянули друг от друга, словно пятиклассницы, застигнутые за рассматриванием картинок в книге «Основы тантрического секса».

– Нами Амиду Буцу! Наконец-то! – облегченно выдохнула Небесная река. Надо сказать, что из всех увлеченных Страной Цветущей Сакуры дам она была, несмотря на презрительно-надменную гримасу, самой страстной сторонницей медитаций и поклонницей Учения. Учения, которое открывала им старуха Мумё. Мудрая, суровая, немногословно-аскетичная Мумё, о прошлом которой они – заключенные – ничегошеньки не знали. Какое преступление совершила эта величавая старуха, сколько лет ей приходится томиться в колонии и каким образом она, будучи в заключении, ухитрилась наладить связи с японскими спонсорами, – было загадкой для женщин, входивших в Приют Обретения Гармонии. Мумё во время медитаций часто вызывала бывших убийц, сутенерш и рецидивисток на такую откровенность, так мягко убеждала покаяться в былых грехах, что они потом с запоздалым изумлением спрашивали самих себя: с чего это им вдруг приспичило раскрыть душу женщине, о которой они знают только одно – в «миру», то есть на свободе, она носила имя Анастасия.

Под конвоем спешно приведшие себя в порядок Тамахоси, Ина-каэдзи и Небесная река зашагали в комнату, которую недавно посещали корреспонденты телекомпании «ЭКС-Губерния». Комната Просветления и Обретения Гармонии была местом, в котором любительницы хайку и сакуры отдыхали от всевидящего глаза своих стражей: между охраной и щедрыми японскими спонсорами существовала негласная договоренность о том, что в этом месте для молитвы и постижения глубин собственного «я» заключенным не станут напоминать о том, что они лишены свободы. Поэтому конвоиры выполняли свои обязанности лишь номинально. Да и кому придет в голову опасаться чуть сбрендивших баб, каждый день в один и тот же час собиравшихся только для того, чтобы бубнить на непонятном языке какие-то то ли мантры, то ли заклинания, красить физиономии театральным гримом и вышивать райских птиц на веерах, которые потом пользовались бешеным спросом в магазинах для любителей экзотики... Веера эти, помимо всего прочего, тоже приносили администрации колонии немалый доход. Поэтому администрация относилась к «просветленным» терпимо, медитациям и прочим чудачествам не препятствовала, хотя отведенный пресловутый Приют все-таки был оснащен сигнализацией

и видеокамерой слежения, о существовании которой, впрочем, все медитирующие прекрасно знали.

– Приветствую вас, сестры, – негромко, но звучно говорила Мумё каждой входящей женщине.

Небесная река отметила, что сегодня все собрались на удивление быстро. Видимо, не одна Тамахоси ощущала в себе упадок светлых благотворных сил. Всегда жизнерадостная любительница сладких рисовых лепешек Асунаро была непривычно тихой, задумчивой и бледной; закодировавшаяся алкоголичка, бывшая красавица бальзаковского возраста Кагами нервно и суетливо поправляла медитационные татами, а вечная тихоня Фусими, невзрачная худышка с белесыми ресницами и жидкими сальными волосами, вообще, казалось, сидит ни жива ни мертва.

«Что-то стряслось, – начала строить предположения Римма Пустякова, Небесная река. – Или спонсоры бабок больше не дадут, или Мумё в амнистию идет. Или кто-то провинился...»

Ей стало неуютно от одной этой мысли и от воспоминания о безобразной сцене, недавно разыгравшейся между Иринкой-сводницей и Томкой-Тамахоси. Мумё не терпела подобных нарушений дисциплины, утверждая, что они сводят на нет все ее усилия по просветлению заблудших душ и уподобляют женщин бессмысленным скотам, тогда как Учение говорит о том, что в наступающую эру именно женщине будет отведена главная роль во всех земных и даже небесных делах. Поэтому Мумё строго наблюдала за тем, чтобы ее сторонницы не имели никаких суетных, злобных или эротических помыслов, недостойных звания Высшего Существа... Некстати вспомнилось и давнее происшествие, свидетельницей которому стала едва вступившая в сторонницы Учения Римма: одна из женщин во время чтения «Дневников императорских фрейлин эпохи Мейдзи» стала выкрикивать непристойности, обнажаться и предлагать себя в качестве партнерши для лесбийской любви. Мумё тогда прекратила занятия, велела всем покинуть комнату и вызвала для полураздетой и исступленной бунтовщицы конвой. А наутро сексуально озабоченную преступницу нашли в камере мертвой: она вспорола себе горло осколком зеркала в соответствии с правилами сеппуку, принятыми для провинившихся женщин.

«Не паникуй, – одернула себя Римма. – Как Мумё может знать о том, что произошло? Это ведь не у нее на глазах случилось. И потом... почему это все считают, что той лесбиянке именно старуха приказала покончить с собой? Ничего такого не было. Мумё учит целомудрию, сдержанности и мудрости, она выше всего низменного... И поэтому мы ее боимся. Все. Даже менты, наверное».

– Приступим к медитации, сестры, – тем временем сказала Мумё. – Прошу вас занять свои места.

Женщины, беспрекословно повинувшись, расселись, поджав под себя ноги и закрыв глаза. Фусими приглушенно всхлипнула. Мумё поставила на покрытый алым платком столик глиняную курительницу, достала тонкие свечи, и по комнате вскоре заструились горьковато-терпкие ароматы сосны, мандарина и кедра. Из музыкального центра полилась негромкая монотонная флейтовая мелодия, наводящая легкую дремоту. На фоне мелодии голос Мумё казался особенно проникновенным.

– О силы, благословляющие нас извне! О силы, таящиеся внутри нас! Мы взываем и просим. Мы внимаем и ощущаем. Мы повинуемся Учению! Терафим! Терафим! Терафим!

Мумё запела. Точнее, это походило на речитатив на абсолютно непонятном языке. Некоторые фразы Мумё повторяла по нескольку раз, а вслед за ней их твердили нестройным хором и остальные женщины. Небесная река вдруг почувствовала, что в нее вливаются сила и энергия, а разум ее остр до такой степени, что может постичь любую премудрость. Римма иногда сравнивала это состояние с тем, в каком оказалась однажды, попробовав кокаина. Разница состо-

яла только в том, что после медитации не мучила головная боль и не выворачивался наизнанку желудок...

Неожиданно пение оборвалось. Глядя на покачивающихся в транс женщин, Мумё заговорила на привычном русском языке:

– Земля и воздух, вода и огонь учат нас быть мудрыми. Внемлите! Земля есть знак плодородного смирения – так будьте смиренны, пока не пришел ваш час! Воздух есть знак всепроникающей невидимости – так будьте незаметны и незримы для чуждых вашему Знанию! Ибо незримая рука легче нанесет удар ничего не подозревающему врагу! Вода – знак направленного терпения, так будьте терпеливы, следуя по намеченному пути! Огонь же, сестры, есть знак неотвратимого возмездия, так бойтесь изменить тому, что является для вас священным!.. Сестра, именуемая Ина-каэдзи, встань и покайся перед всеми за сегодняшний грех!!!

От последней фразы транс у всех моментально прошел. Ина-каэдзи вскочила, затравленно глядя на Мумё.

– А что я? – жалобно запричитала она. – Я ничего такого не сделала... Тамахоси первая вцепилась мне в волосы и попрекала меня прошлым. Она злобная и неудержимая в своем гневе, разве не так?

Тамахоси закрыла лицо руками, услышав эти слова, и пробормотала: «О, малодушие!»

– Я знаю, как все произошло на самом деле. – Мановением кисти Мумё остановила поток бессвязных речей Ина-каэдзи. – И сужу тебя не за то, что ты, вопреки нашему Учению, дала волю недостойному гневу, а за то, что твое сердце лицемерно, лишено благодарности и веры. Посмотри мне в глаза. Что ты видишь?

Невольно Иринка подчинилась приказу Мумё – так повелительно он прозвучал – и глянула ей в глаза. И от этой процедуры бесшабашно-смелую Иринку встряхнуло так, словно электрический разряд прошел сквозь ее тщедушное, давно не мытое тело. Да это и был разряд. Разряд страха и ненависти.

– Да пошла ты! – завопила Ина-каэдзи так, что с шелковой ширмы посыпались блески. – Ты уже достала, старуха, в натуре! От тебя толку никакого, один треп японский! Обещала дать нам свободу и власть, а вместо этого мы, как дебилы в психушке, коробочки клеим и веерочки складываем! Провались ты к японской матери со своим Учением! На хрен оно мне нужно!

С этими словами Ина-каэдзи прошла мимо онемевших от ужаса женщин к выходу и крепко захлопнула за собой дверь.

В наступившей затем тишине отчетливо прозвучали слова Мумё:

– Кто еще желает следовать путем Ина-каэдзи?

– Никто... – прошелестел ответ на губах оставшихся женщин.

– Хорошо. – Старуха подошла к полке с деревянными крысами-солдатами, которых вырезала Тамахоси. Взяла одну фигурку – крыса натягивала лук – и сказала: – Я хочу рассказать вам одну историю. О крысах.

«Некий сборщик риса в провинции Миямото однажды дерзко оскорбил своего господина, отказавшись исполнять порученные ему обязанности. И ночью в постель нерадивого слуги пробралась большая крыса и стала грызть его ноги. Он убил ее. Однако на место убитой крысы пришли еще две и принялись нестерпимо больно кусать сборщика. Когда же он убил и их, обливаясь кровью от ран и потом – от страха, в его дом ринулось несметное полчище крыс. Они грызли стены и ширмы, разбивали посуду и, наконец, насмерть загрызли самого сборщика. Когда об этом узнал его господин, он сказал: «Крыса – палач, которого посылает судьба. От нее нет спасения тому, кто встал на ее пути. Молите будд и читайте Семь Сутр Лотоса, чтобы вам не привелось попасться этому палачу, ибо непокорные и строптивые глупцы обретают от него лютую и позорную казнь...»

– Это было давно, – после некоторого молчания произнесла Мумё. – Но давнее имеет свойство повторяться. Размышляйте об этом, сестры, и медитируйте, сохраняя чистоту помыслов и деяний.

Пробыв в комнате Просветления и Обретения Гармонии еще с час-полтора, женщины разошлись, приняв благословение их наставницы. А глубокой ночью Тамахоси и Небесная река проснулись в своей камере от страшного, пронзительного крика их сокамерницы, дерзкой Инакаэдзи. Бросившись к ней, они увидели то, от чего их затошнило: Иринка-сводница, крича и захлебываясь кровью, отбивалась из последних сил от огромных крыс, вцепившихся ей в горло, плечи и грудь. Когда же на вопли заключенных прибежала заспанная охрана, все было кончено. Изуродованный труп Иринки унесли в морг, Тамарка и Римма, трясаясь от ужаса, давали показания о несметных полчищах крыс, кишевших в их камере в страшную ночь... А на следующей медитации Мумё, оглядев трепещущих женщин, изрекла:

– Будьте внимательны к своим словам и деяниям, сестры. Живите и поступайте так, чтобы вам не пришлось сказать себе: «Моя жизнь недостойна меня».

* * *

Какая разница между феей и ведьмой?

Год совместной жизни.

Неправда

– Моя жизнь недостойна меня, – заявил Авдей.

Я посмотрела на благоверного с легким прищуром, изучая его ауру. Сердится. Недоволен. Хотя сексуально удовлетворен полчаса назад. Чего тебе, паразит любимый, еще надо? Или психуешь, что посуду заставила помыть?

– Объяснись, – предложила я и принялась очищать очередной банан. Ну не могу я жить без этого обезьяньего прикорма, несмотря на постоянные колкости любимого семейства по данному поводу. Бананы меня успокаивают, стимулируют мозговую активность и женскую проницательность. – Итак, в чем дело, дорогой?

– Объясняюсь. – Авдей вздохнул, поставил в сушилку свежевывмытую салатницу и закрыл кран. – Мне кажется, что я закип. Потерял вкус к жизни. Хотя, возможно, это просто осенняя хандра. Ты же знаешь, в отличие от подавляющего большинства российских писателей я это время года тихо ненавижу... Засыпаешь – дождь. Просыпаешься – снег. Мозги просто отсыревают, честно!

Милый, кого ты пытаешься обмануть? В том, что сейчас у тебя смурной вид, повинна не осень, а скорее всего, новая статья твоего вечного оппонента фантастоведа Леонида Андрианова, напечатанная в альманахе «То». Андрианов, конечно, паскудный тип. Без приглашения является к нам по выходным пить коньяк (когда нам с мужем хочется побыть наедине!), набивается готовить шашлыки на даче (из мною купленной баранины!), приносит дочкам шоколад (а им его нельзя, у них диатез!) и задушевно при этом втолковывает мужу, какой он на самом деле писатель. В смысле, муж. Авдей спорит с ним до хрипоты, пытаюсь доказать, что если его книги читают, значит, талант налицо, а Андрианов начинает разглагольствовать о падении культуры чтения в России и об общей деградации писательского мастерства. Я в эти разговоры не вмешиваюсь, полностью предоставляя мужу самому отстаивать свои права на парнасскую лаврушку, но иногда мне хочется навести на критика порчу. Или лишить его мужского достоинства. Временно. Сдерживает меня то, что мадам Андрианова ходит в моих приятельницах по косметическому салону и частенько жалуется мне на нерегулярность исполнения Андриановым своих супружеских обязанностей... И все-таки, может, мне стоит этого фантастоведа проучить, чтобы он больше не портил настроение моему любимому писателю и человеку?

– Хочешь, я ему в квартире окна перебью? Как булгаковская Маргарита... Утоплю в джакузи его парадный костюм. Унитаз забью гигиеническими прокладками, а на навесных потолках напишу похабные частушки? А еще... еще плюну на его премию. На «Меч Руматы», он все равно его нечестным путем получил! – вдохновенно предложила я Авдею план мести нехорошему критику и, прицелившись, точнехонько отправила шкурку от банана в мусорное ведро.

– Ты о чем? О ком?! – ненатурально изумился супруг. Значит, ход моих мыслей был правилен.

– Я тоже прочла новую статью Андрианова, в которой он тебя в очередной раз дружески презирает, называя твоих героев клишированными рыцарями без первичных половых признаков. Мне не нравится его тон. Мне он вообще не нравится. Это из-за него ты сейчас страдаешь и злишься. Причем зря.

Авдей нервно принялся расхаживать по кухне.

– Ты права. Я чувствую себя выпоротым щенком, но даже не в этом дело. Андрианова можно оставить в покое, должен же я с кем-то ругаться...

– Так, понятно. Тогда, может, мне надо на кого-нибудь порчу насрать? Укажи конкретно в человеках.

– Ой, Вика, я тебя умоляю... Давай хоть сегодня без магии, а?

Что значит «хоть сегодня»?! Можно подумать, я только и занимаюсь тем, что ворожу целыми днями и насылаю порчу на литературных противников мужа. Между прочим, кто-то, не будем уточнять, кто, просто забыл, что я еще в первый год семейной жизни объявила мораторий на использование магии в границах нашей семьи. И пока держу свое слово! Поскольку я истинная ведьма. И как истинной ведьме, мне просто обидно, что меня упрекают в том, чего я даже не совершала. И кто упрекает! Возлюбленный! Который в постели шептал мне безумные слова, называл своей королевой и богиней и покрывал бешеными поцелуями мои бедра, вовсе не замечая наметившегося кое-где целлюлита... Змей-искуситель!

– Как угодно, – сухо говорю я этому змею в домашних тапочках. – Пойду приберусь в детской.

Честно сказать, чувствовала я себя глупо. Потому как считала, что во всем понимаю своего мужа, а на деле оказалось не так. Откровенничать же он отказывался, и это было особенно обидно после того, что мы вытворяли с ним на супружеском ложе. В кои-то веки выдался свободный от детей денек, я старалась ублажить мужа как могла и что же получаю взамен? Кислую физиономию и мизантропические фразы. Закис он, видите ли! Творческий у него, черт побери, кризис!!!

Детская была моим земным Эдемом. Едва мы купили в приличном районе Москвы за баснословные деньги эту пятикомнатную квартиру (в чем, конечно, помогли банковские счета моего приемного папочки Баронета), я уговорила мужа при ремонте снести перегородку между двумя смежными комнатками, заменив ее изящной лепной аркой. В результате мои дети получили в пользование огромное пространство для игр, проказ и сна. Стены детской знакомый художник, друг Авдея, разрисовал пальмами и олеандрами, потолок превратил в нежное расцветное небо, а над кроватями девочек мы совместными дизайнерскими усилиями соорудили нечто вроде балдахинов с выполненными в манере батика звездами и лунами... Сказка! У меня в детстве такого не было! Поэтому я чуть-чуть завидовала дочерям и чуть-чуть обижалась на них, когда оказывалось, что они легкомысленно устраивают полный кавардак во вверенном им раю. Впрочем, разве в раю надо ходить по струночке, тем более таким девочкам, как мои?..

Я принялась наводить в детской порядок. Процесс в основном заключался в рассовывании по нужным полкам бесчисленных Машкиных кукол и Дашкиных плюшевых мишек. Дочери были буквально завалены игрушками: это старались моя мама и «деда Калистрат», как звали мои дочери Баронета. Игрушек в каждый свой приезд предки привозили чемоданами, заявляя на мои протесты, что это девочек вовсе не испортит. В конце концов я смирилась,

но в качестве альтернативы куклам и медведям купила одной дочери пластмассовый асфальтоукладчик, а другой – доску с дротиками на присосках, тем самым окончательно уронив свое материнское реноме в глазах родственников...

В самый разгар уборки (из-под колес асфальтоукладчика были извлечены заботливо вдавленные в палас брусочки пластилина) в детскую изволил явиться хандрящий гений отечественной фантастики.

– Чего надо? – немиролюбиво поинтересовалась я. Имею я право на плохое настроение или нет (Вы знаете, какой это кропотливый труд – выковыривание пластилина из коврового ворса?!)?..

Вместо ответа муж принялся обнимать меня вместе с медведями и всем своим видом изображать, что настроение у него улучшилось. Но я-то чувствовала его истинное состояние.

– Хватит, Авдей, – в сердцах произнесла я и треснула его медведем по шее. – Или говори все как есть, или я тебя превращу в стойку для обуви.

Муж посмотрел на меня своим особенным, проникновенным, благородно-нефритовым взглядом, и я перестала сердиться. Этот взгляд меня вообще временно лишает дееспособности. И наполняет любовью ко всему на свете. Даже к пластилину.

Мы обнялись и уселись на пол, рядом с детскими горшками (кстати, не забыть их проверить на предмет наполнения. Иногда девочки выливают туда суп, приготовленный мной). Муж потерся носом о мой нос и заявил:

– Понимаешь, Вика... В моей жизни не хватает приключений.

Мило. Но я благоразумно помалкивала, давая мужу возможность перейти от интродукции к кульминации.

– Нет, серьезно. Я вполне благополучно живу, у меня самая лучшая на свете жена и обалденные дочери, моя работа приносит мне и моральное и материальное удовлетворение, бандиты на меня не наезжают, кирпичи на голову не падают, даже гриппом я ни разу за все пять лет совместной жизни не заболел! А вот чего-то не хватает...

– То ли мировой революции, то ли индейки с грибами... – пробормотала я себе под нос.

– Просто я вчера смотрел этот сериал, ну знаешь, «Последний рыцарь», где обычных парней высаживают в средневековом замке и суют в руки мечи, и подумал: а мужик ли я?

– Ну, дорогой. Вполне, вполне мужик...

– Я не в этом смысле. Жизнь какая-то слишком уж пресная стала, спокойная, остроты ощущений не хватает.

– А давай я тебя возьму на шаш. Причем в качестве перевозочного средства. Впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь.

– Ну, Вика, я же серьезно, а ты издеваешься...

– И я серьезно. Не стыдно тебе, Белинский, а? Разнылся: ах, дайте мне бурю, дайте мне битву, дайте мне меч-кладенец! В рыцари намылился? Может, тогда и за картошкой заодно сходишь? А то мне как-то не к лицу таскать тяжелые авоськи.

– Ты не понимаешь! Я же писатель! Мне нужно откуда-то черпать вдохновение.

– Да, конечно, из горшков собственных дочек его уж точно не почерпнешь.

– Вика! Прекрати издеваться. Ты мой последний роман читала?

– Ну, в общем, да.

(К стыду своему сознаюсь, что мужнино творчество мне в последнее время нравится перестало, особенно проза. Стихи – еще так-сяк. Но разве я могу ему это сказать? Сразу на развод подаст.)

– Это туфта, – с горечью констатировал Авдей. – Туфта на триста страниц. Писал и корчился от отвращения к себе самому. Потому что приключения у моих героев банальные и надуманные! Потому что внутри у меня ничего не кипит!

Эк тебя проняло, родимый. Творческий кризис действительно налицо. Надо срочно утешать мужа и говорить ему, что он ошибается и на самом деле является собой просто супермена. Мужчины лезть любят еще больше, чем мы, женщины: вечно надо хвалить и убеждать их в собственной неотразимости. Иначе киснут и хотят приключений. Точнее, хотят найти ту, которая обеспечит их самолюбие ежедневными порциями панегириков и мадригалов.

– «Тема дома, тема уюта, тема тихого очага... Я люблю, живу и пою то, чем жизнь мне так дорога...» — процитировала я одно из стихотворений мужа (безусловно, посвященное мне) и добавила уже прозой: – Раньше ты, дорогой, наоборот, мечтал о спокойной размеренной жизни, о семейном очаге и вечернем чае...

– Мечтал... Вика, спокойствие для мужика, настоящего мужика, губительно. От него вырастает пузо и самодовольство. Нужно висеть на скале, мчаться на лошади...

– Можно еще в горящую избу войти. Для разнообразия. Ладно, все, я серьезна, как часовые у Кремлевской стены. И хочу знать, каких именно приключений тебе хочется от жизни?

– Вот. – Авдей смущенно откашлялся, достал из кармана несвежую какую-то бумажку, встал в позу и прочитал:

Осень. Время рыцарских романов,
Сброшенных доспехов золоченых...
Как-то странно, горестно, влюбленно
Пьются вина сумрачных туманов.

Ты не помнишь? Это было, было,
Пусть не с нами, не по нашей воле:
Звон мечей и стон предсмертный в поле,
И никем не чтимая могила.

Вышивают дамы гобелены,
Пальцы их бесчувственно-усталы.
Что же им до рыцарских уставов
И до тех, кто не пришел из плена.

Только осень – золотым и алым —
Вышьет строчку на поникшем стяге...
А роман – не только на бумаге.
Дело лишь за рыцарем. За малым.

Дочитав, Авдей вопросительно воззрился на меня.

– Ну, что я могу сказать, – пожала плечами я. – Стихи ты, во всяком случае, писать не разучился... Правда, чью могилу ты имел в виду, я не поняла. А, ясно, это метафорическое восприятие ткани пространства и времени, отягощенное несовершенством человеческой тварности...

– Боже, Вика, что за гадость ты говоришь...

– Ничего не гадость, сейчас так все критики пишут.

– И это все?! Все, что ты хотела мне сказать?!

– Нет, не все. Покажи-ка мне бумажку, на которой стихи написаны... Блин, так я и знала! Это же счет за квартиру, я его неделю ищу, а ты подхватил! Что, в доме бумаги больше нет?!

Мой любимый писатель позеленел лицом, и я поняла, что перегнула палку в его воспитании.

– Авдей, ну не хмурься... Ну, сладенький...

– Я тебе не сладенький! Бумажки пожалела! В-ведьма!

Ого. Кажется, на одно приключение мой супруг точно нарвался. Сейчас вниманию публики будет представлена небольшая семейная сцена. Занимайте места в партере!

– Ах, значит, я ведьма, – приглушенно начала я. – Ах, значит, я тебе творить не даю... Может, я и сама тебе уже разонравилас-с-сь?!

Для пушего эффекта последнюю фразу я произнесла в модулированном тоне, так что эхо перепуганным зайцем заскакало по комнате. При этом я еще и поглядела на супруга *истинным зрением* (глаза мои превращаются в фиолетовые фонарики) и взмыла к потолку в изящном антраша. И зависла. Под потолком. Оттуда, с потолка мне было хорошо видно, как нездоровая бледность вползла на физиономию супруга. Все-таки откровенная демонстрация моих способностей производит на него удручающее впечатление. Даже, можно сказать, пугающее. Тем более что он этой самой демонстрации, почитай, несколько лет не наблюдал и по привычке к тому, что в нормальной жизни у меня и глаза не похожи на маячные огни, и клыки изо рта не лезут. Ну, дорогой, я тебя за язык не тянула, сам ныл, что остроты ощущений тебе не хватает... Будет тебе острота.

Тут главное – не переборщить.

Эффектно вися под потолком, я полуприкрыла глаза и представила себе образ, в который хочу превратиться. Ненадолго. По моему телу прошла волной легкая щекотка, я открыла глаза и с удовольствием посмотрела на свои трансформировавшиеся конечности.

А потом посмотрела на супруга. Он вскочил, замахал на меня руками и заорал:

– Вика, прекрати немедленно это безобразия!

Со стороны смотреть – это та еще была сценка. Мужик в спортивном костюме грозно кричит на сиренево-серебристого чешуйчатого дракона, который раза в три этого самого мужика превосходит по параметрам. Я аккуратно вздохнула – когда становишься драконом, не стоит забывать о том, что твое дыхание становится огненным в прямом смысле слова. Похоже, мои манипуляции должного эффекта не возымели. Скорее, наоборот.

– Вика, немедленно превращайся обратно!

Легко сказать «немедленно». Телу не прикажешь. Нет, конечно, приказать-то можно, только тогда обратная трансформация может произойти очень болезненно. Тем, кто этого не испытывал, – не понять.

Стараясь не зацепить хвостом ничего из обстановки комнаты, я аккуратно опустилась на пол. Почти опустилась. У меня такие когти на лапах, что если скребнуть ими по ковру – прощай ковер. Просто полная несвобода...

Что может быть хуже несвободы?..

О, черт! Только этого мне не хватало!

Это же просто как удар кувалдой... По моим бедным бабьим мозгам... Что же я натворила!..

Я, к своему стыду, хоть и способная, но весьма рассеянная и давно не практикующая ведьма. Творя какие-нибудь чары, я могу забыть об их побочном эффекте. Побочный эффект трансформации, в частности, заключается в том, что ты внезапно можешь начать мыслить, как тот, в кого превращаешься.

Мыслить, как дракон.

Я с детства мечтала быть драконом. Еще не зная, что мечта очень легко может воплотиться в жизнь... Этот медный, бухающий голос в моем сознании, заполняющий каждый мой нейрон, переплавляющий тело и сжигающий душу, – моя свершенная мечта?!

Жить, как дракон, значит – жаждать абсолютной свободы от и власти для.

Свободы от всех и власти для себя. Это безумие.

Так, только спокойно. Я человек. Я должна вернуться.

Зачем?

Здесь тот, кого я люблю. Он мой, мой...

Кто?

А действительно, кто?

Добыча?

Нет!

Почему этот человек кричит? Что он кричит нам?

Я... я не помню. Что-то я должна сделать... Я человек?

Ха. Ха. Ха.

Тогда кто я?..

Дракон.

Кто я-а-а?!

– Вика, Вика, перестань, это уже не смешно. Немедленно прими человеческий облик!

Кто ты такой, чтобы приказывать нам?!

Авдей увидел, как дракон зевнул, широко раскрыв пасть с клыками, похожими на сосульки застывшей ртути. Вместе с зевком из пасти хлестнула струя раскаленного белого пара, заставившего писателя ринуться за высокий комод в поисках спасения. А дракон, развернувшись с грациозностью угольной баржи, взмахнул серебряно зазвеневшими крыльями и вылетел в окно, рассыпавшееся дождем стеклянных брызг.

Мы свободны!

Авдей подбежал к окну. В небе промелькнула и исчезла серебристо-сиреневая молния. А вокруг Авдея, в детской, носились фантики и сухие листья, поднятые холодным октябрьским ветром, ворвавшимся в разбитое окно.

* * *

...Дело это гораздо серьезнее, чем может показаться с первого взгляда.

Артур Конан Дойл

В разбитое окно коридора внимательно выглядывали охранники, перекликались со своими поднятыми по ночной тревоге товарищами:

– Что у вас?

– Ничего не обнаружено! Никаких следов!

– Вот черт... Надо сказать, чтобы вырубил сирену. Воеет, как сука, только на нервы действует. И еще раз надо проверить заключенных в камерах.

– Да кто через такую дырку смоеется?! Разве что крыса?

– Может, и так...

И тут прибежала охрана, осматривавшая нижние этажи и подвалы.

– Канализационная труба пробита! Это побег!

Мертвенно-белым ярким светом вспыхнули в коридорах образцовой женской колонии галогеновые лампы. Грохотали по листовому железу сапоги спецподразделения охраны. Коменданты, матерясь на чем свет стоит, разбегались, полуодетые, по секторам. Половина третьего ночи. Самое время устроить в камерах перекличку заключенных.

Гремели засовы и двери, то и дело раздавался ошалелый вопль: «На поверку стройсь, с-суки!!!» Пару раз истошно провизжали женские голоса и послышались глухие удары. Ночной кошмар длился не более получаса. Заключенных пересчитали. Все были на месте.

– Вот дьявол! – выругался начальник охраны. – Ничего не понимаю. Кто тогда мог это сделать?!

И тут из больничного крыла прибежала запыхавшаяся врачиха Ия Карловна с перекошенным от ужаса ртом.

– Что?! – завопил начальник, ожидая по меньшей мере, что под больничку подложена мина. Однако сказанное врачихой превзошло все его ожидания.

– В морозильнике нет трупа, – задыхаясь, выпалила врачиха.

– Какого трупа?

– Ну этой, № 1186, которую крысы погрызли!

– Черт-те что! – ругнулся начальник. – Говорил же, надо сразу кремировать, а вы все скулили – родственники протест заявят... Какие теперь родственники, мать их! Как труп мог пропасть?! Ведь морг на сигнализации?

– Да. И вечером я проверяла пломбы на дверях. Сейчас пломбы сорваны, сигнализация отключена...

Начальник охраны и врач быстро шли к выбеленному мрачному боксу, в котором и помещался злополучный морг. Начальник строил версии:

– Отключить сигнализацию мог только тот, кто знает код. Вы не могли кому-нибудь случайно?..

– Нет! Я никогда никому не говорю кода, товарищ полковник! У меня же там сейф с... препаратами. Эфир, морфий, левокарнитин, сами понимаете...

– Понимаю. Но как же тогда?

– Не знаю. – На сморщенном личике женщины отразилось искреннее отчаяние. И страх от того, что снова придется зайти в морг, вскрытый неизвестно кем.

У стальных дверей они замерли. Врачиха опять завизжала и сама себе зажала рукой рот: пресловутые свинцовые пломбы, которыми она с вечера опечатывала бокс, были нетронутыми. А алый пульсирующий огонек в верхнем углу двери указывал на то, что и сигнализация работает нормально.

– Не понимаю, – потерянно прошептала женщина, сползая по стене.

– Ия Карловна, только без обмороков! – приказал начальник и в подкрепление приказа добавил такое выражение, которое подействовало на шокированную врачиху лучше нашатыря. – Нам так или иначе нужно попасть внутрь. Чтобы установить факт похищения трупа.

– Да, да, конечно, – торопливо закивала Ия Карловна и достала из кармана небольшие никелированные кусачки. – Так я срезаю... пломбы?

– У вас руки трясутся. Лучше дайте мне. – И начальник охраны полковник Дрон Петрович Кирпичный выдвинул панель с кнопками управления сигнализацией.

– Какой у вас код?

– 3737щ920XL, – прошептала врач.

Полковник Кирпичный набрал код и отключил сигнализацию. Затем аккуратно срезал пломбы, повернул запорный рычаг тяжелой двери и вошел в пахнущую карболкой тьму бокса, приглашая Ию Карловну следовать за собой.

– Выключатель слева, – услужливо подсказала врач.

Полковник Кирпичный щелкнул рубильником, и яркий желтоватый свет залил унылое помещение больничного бокса с несколькими коридорчиками, ведущими в приемный покой, процедурную, пустовавшие по случаю отсутствия больных палаты и, наконец, морг (или, на языке персонала, – «морозилку»).

– Воняет тут у вас, – поморщился полковник, идя по коридору к выкрашенным серой краской дверям «морозилки».

– Йодоформ? – предположила Ия Карловна, хотя сама понимала, что йодоформ здесь вовсе ни при чем. Действительно, пованивало на вверенном ей стратегическом объекте медицинского назначения, и нехорошая это была вонь. Обычно именно так пахнут трупы, разлагающиеся в подходящей для этого температуре.

– Ничего не понимаю, – растерянно шептала врачаха, и противный, липкий страх расползался по телу, хотя слыла Ия Карловна бесстрашным человеком, бывшей сотрудницей КГБ, повидавшей всяких покойников на прозекторских столах. Но такого, чтобы труп исчез бесследно из морозильного шкафа, еще не бывало!

– Где лежал труп? – спросил полковник Кирпичный.

– Здесь. – Ия Карловна с грохотом откинула никелированную крышку бокса и выдвинула из морозной тьмы цинковый поддон.

И закричала.

Вместе с ней закричал было полковник, но вовремя остановился и сказал только:

– ... мать!

На цинковой плоскости лежало нечто, бывшее когда-то человеческим телом. Но самым страшным было то, что среди оголившихся костей, отвратительных лохмотьев разложившейся плоти и внутренностей кишели крысы. Они обглаживали череп, вылезая из глазниц и оскаленного рта, ползали под ребрами, и на минуту показалось, что труп живет чудовишной жизнью.

– Что это такое?! – прокричал полковник, отшатываясь от мерзкого зрелища.

Ия Карловна судорожно сглотнула и постаралась взять себя в руки.

– Это тот самый труп... Заключенной № 1186.

– Который пропал?

– Да.

– И как же он опять оказался здесь?

– Я не знаю! – обреченно воскликнула Ия Карловна.

– Может, вам померещилось, что он пропал? А, доктор?

Та истерически хохотнула:

– Вы считаете, *такое* может померещиться?!

Полковник пасмурным взглядом окинул жуткие останки, икнул и пожалел о том, что самопальный семидесятиградусный коньяк был неосмотрительно выпит им еще вчера.

– Чертовщина какая-то, – пробурчал он. Вышло так, будто полковник Кирпичный жаловался неизвестно кому на загадочное происшествие, случившееся на вверенном ему объекте.

– Похоже на то, – зябко передернула плечами Ия Карловна. – Что делать будем, товарищ полковник?

– С этим?

– Ну, с этим-то более-менее все ясно. Я немедленно вызову уборщика, и останки кремируют. А вот разобраться во всей этой чертовщине, как вы изволили выразиться...

...Жирная лоснящаяся крыса соскользнула с трупа и быстро засемила к выходу из морга. За ее хвостом тянулась тонкая кровавая полоска. Врачиха взвизгнула:

– Я больше не могу здесь оставаться! Уйдемте отсюда!

Полковник полностью с ней согласился, но прежде чем уйти, он по внутренней рации вызвал тюремного санитаря, с помощью ненормативной лексики разъяснив ему предстоящие действия. И постарался выкинуть все это из головы. Тем более что с утра пораньше начальнику охраны предстояла нелегкая задача: допросить всех заключенных, не слышали (не видели) ли они минувшей ночью чего-нибудь подозрительного. И для чего была пробита канализационная труба и разбито окно в коридоре, если никто не сбежал?..

Словом, у полковника Кирпичного и без того хватало забот. Поэтому он и не спросил у санитаря, кремировал ли тот останки несчастной Иринки-сводницы, заключенной № 1186. А зря! Потому что никаких останков, а также копошащихся в них крыс тот не обнаружил, цинковый поддон был стерильно чист и своей чистотой отрицал даже мысли о наличии хоть какого-нибудь трупа. Санитар, увидев это, паниковать не стал, включил кремационный блок и спалил там пару мешков с кухонными отбросами. Для отчетности. А то что трупа не оказалось – его не касается...

Санитару повезло. Он констатировал лишь пропажу трупа, но ему не довелось увидеть, как за полчаса до его прихода этот самый разложившийся труп вдруг встал, стряхивая с себя грязных и пищущих крыс, слез с цинкового ложа, кокетливо принялся охорашиваться остатками рук и через минуту превратился в respectable пожилую даму, известную среди обитательниц Приюта Обретения Гармонии, как Мумё Безымянная флейта... Дама подошла к зеркально блестящей поверхности шкафа с хирургическими инструментами, улыбнулась своему все более хорошеющему отражению и одним движением указательного пальца вспорола цельнометаллическую дверь. Взяв коробку со старыми, еще стеклянными шприцами и пачку длинных ампул, надписанных по-латыни «Morphinum», она принялась, торопливо, но без суеты, вкалывать себе содержимое не менее десятка ампул, после чего ее глаза стали по блеску напоминать люминесцентные лампы. После означенной медицинской процедуры ожившая и обколота как свихнувшийся берсерк покойница, прихватив остатки ампул и шприцы, вышла из больничного бокса, аккуратно гася за собой свет. К утренней поверке она была уже в своей камере и приветствовала конвой своим обычным благословением. Только одну странность заметили в обычно спокойной и молчаливой старухе: веки ее странно подергивались, словно дневной свет резал глаза. И еще она произнесла в пространство загадочную фразу: «Надеюсь, ты уже добралась до конца своего пути, о Госпожа».

* * *

...Женщине с мужчиной никогда друг друга не понять.

Н. Гумилев

– Ты уже добралась до конца своего пути, о Госпожа! Верь нам, мы твои искренние слуги! Серебристо-сиреневый дракон яростно извивался всем телом, пытаясь выбраться из-под магического экрана. Дракона со всех сторон окружали люди в одежде невероятных цветов и форм. Эта одежда скорее напоминала чешую.

– *Кто вы такие?!* – прорычал дракон, исходя пламенем.

Люди засмеялись:

– Мы – подобные тебе!

Дело происходило на одном из заброшенных подмосковных полигонов – гигантском поле с выгоревшей бурой осенней травой. Вокруг полигона осыпались листья с березняка, поскрипывали старые полузасохшие сосны, кусты волчьего лыка и дикой малины создали заграждение, способное удержать непрошеного гостя не хуже, чем мотки колючей проволоки... Впрочем, гостей здесь никогда не было. Из людского племени, во всяком случае.

– *Кто вы такие?!*

– Драконы!

Люди в странных одеждах принялись извиваться и корчиться, и сиреневый дракон, замерев, увидел, что он такой не один. На бурой мертвой траве расположилось по меньшей мере три десятка драконов!

Они были ослепительны в своей красоте. Извержение вулкана, зигзаг молнии, ядерный взрыв тоже по-своему красивы. Или уж, на худой конец, впечатляющи. А уж впечатлять-то драконы умели! Как никто другой.

Впервые за все время своего бесшабашно-гордого одинокого полета сиреневый дракон почувствовал себя крайне неуверенно.

– Я не знала...

– *Мы не знали!!!*

– *Ох... Мы не знали, что в Москве существуют драконы, кроме нас.*

Среди блистающих чешуей драконов раздалось рычание. По-видимому, это означало смех.

– Нас много, Госпожа, верь нам. Но мы не могли показать этому миру свою силу, пока тебя не было с нами. Но теперь, когда явилась ты, о Госпожа...

– Кто, я?!

– *Кто, мы?*

– Ты – наша повелительница, чье имя изрек тот, кто правил нами до тебя. Он отдал дань человеческой брэнности и стал земным прахом триста лет назад. И все эти годы драконы ждали тебя. И ты пришла. Владей нами.

– А зачем мне это надо? Кто я?

– *Молчи! Мы принимаем власть над вами, о свободное племя драконов!*

Полигон взревел и вспыхнул, как будто на нем взорвали две тысячи фейерверков...

– Нет! У меня же есть Имя! А драконы не носят Имен! Я хочу вспомнить свое Имя!!! Кто-нибудь, скажите, как меня зовут!

– ...Вика!

Авдей выкрикнул имя жены и вскочил в постели, обливаясь холодным потом. Каждую ночь ему снились сны с участием драконов, и в каждом этом сне он хотел вернуть свою непутевую супругу. И не мог.

Авдей посмотрел на светящийся в темноте циферблат: четвертый час. Скоро утро. Спать больше не имело смысла, хотя и лег он не раньше полуночи. Он натянул халат и на цыпочках прошел мимо детской – на кухню. Вика... Вика, ведьма моя, сокровище мое черноволосое. Черт возьми, ты сбежала, и мне даже кофе попить не с кем! Не говоря уж о более интимных вещах.

Авдей посидел, бездумно рассматривая предрассветную дождливую мглу за тюлевой кухонной шторкой, потом вздохнул и привычно запустил компьютер. В последние несколько дней, прошедших с исчезновения Вики, он даже почту не смотрел. Может, там что-то важное есть?

Ничего особенного. Два письма из издательства (их в архив), очередной критический опус Андрианова (*удалить!* – злорадно приказал Авдей)... А вот это действительно интересно...

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Уж не случилось ли с Вами, о господин сочинитель, некой житейской неприятности?*

С человеком, скрывавшимся под ником «Фрейлина Кодзайсё», Авдей общался по e-mail уже с месяц. Просто как-то, в один из вечеров, дожидаясь с работы жену, он забрел в чат поклонников японской литературы. Где продемонстрировал свои неплохие знания в жанре мистики Страны восходящего солнца. Продолжить с ним общение возжелала именно «Фрейлина». Авдей понял, почему его незримый собеседник (вовсе не обязательно, что это женщина!) взял себе такой вычурный ник. Фрейлина Кодзайсё была героиней старинного печального рассказа, призраком с поэтической и неуспокоенной душой. Ну а с точки зрения Сети, все общающиеся в ней – не более чем призраки.

Впрочем, себе Авдей придумал другой ник. Он отправился в чат, привычно зашелестев клавишами, а по экрану побежали торопливые строчки:

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Шлю Вам мой поклон, о Фрейлина. Ваша пронизательность не имеет границ. Действительно, в последние дни в моей жизни произошли разительные перемены, достойные пера Эдогава Рампо...*

В принципе Авдей и не надеялся на моментальный ответ. Вряд ли его «Фрейлина» бесконечно сидит за компьютером. Однако оказалось, что Авдей ошибался, минут через пять услышав жужжание своего старенького модема.

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *О, как мне радостно снова обрести в Вас дорогого сердцу собеседника! Простите, что выражаюсь выпендренно. Но волнение снедает мою душу: приоткройте завесу тайны над тем, что случилось с Вами.*

«Ишь ты», – усмехнулся Авдей. На самом деле никто не хочет грузить себя чужими проблемами. Тем более такой проблемой, как превращение жены в блестящее чудище с последующим ее (жены) исчезновением. Авдей даже дочерям не сказал толком всей правды. Промямлил плохо сочиненную байку про то, что маме пришлось срочно выехать на две недели в родной город к заболевшей подруге... А уж собеседнику в чате тем более такое не доверишь. Хотя... Почему бы и нет?! Ведь это не придаст их разговору никакой ответственности!

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Я растерян и одинок. Меня неожиданно покинул близкий человек.*

Видимо, здесь не обошлось без колдовства. Сообщение о прибытии ответа появилось практически мгновенно.

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Она умерла?*

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Помилуй бог, нет! Но как Вы догадались, что это «она»?*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Это мой секрет. Но если она не мертва, я могу Вам помочь вернуть ее.*

У Авдея на мгновение остановилось сердце. Но лишь на мгновение. Он горько усмехнулся. Видимо, «Фрейлина» чересчур много торчит в Сети и потому возомнила себя всемогущей. Вернуть Вику, ставшую драконом... Это уж слишком!

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Сожалею, это невозможно.*

На этот раз возникла некоторая пауза.

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Уверяю Вас, для меня нет ничего невозможного.*

Авдей вдруг почувствовал острую неприязнь к этой сетевой болтушке, ошалевшей от бесконечного сидения за клавиатурой. Ей не понять, что он на самом деле переживает. Ей (или ему?) лишь бы поболтать, развеивая предутреннюю бессонную скуку. «Иди ты к черту», – мрачно подумал писатель, но на монитор вывел совсем другое, бесстрастно-вежливое:

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Прошу простить, но я вынужден откланяться.*

И он действительно хотел это сделать, но новое послание прямо-таки вспыхнуло на мониторе, упрямо и решительно:

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Верьте мне! Я знаю, с кем сейчас Ваша жена! Я знаю, кем она стала сейчас! Я помогу Вам спасти Вику!*

Авдей прилип к креслу, пытаясь справиться с вмиг подступившим головокружением. Набрал непослушными пальцами:

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ. *Кто Вы???*

ФРЕЙЛИНА КОДЗАЙСЁ. *Ваш друг и Ваша надежда. Пока отдохните. Я найду Вас и помогу Вам.*

Модем моментально стих, будто умер. И Авдей понял, что бесполезно сейчас доискиваться в Сети своей таинственной «Фрейлины» и задавать ей вопросы, сжигающие его сердце. Но одно Авдей мог сказать абсолютно точно: у него действительно появилась надежда. На то, что Вика очень скоро снова войдет в этот дом.

А ведь если вспомнить, как он был ошарашен в тот день, когда Вика улетела...

В первые полчаса после памятного побега, а точнее, полета, оправившись от шока и отойдя от разбитого окна, за которым скрылась возлюбленная законная супруга, Авдей был уверен, что все это безобразие – очередные Викины «штучки». Полетает, мол, и вернется. Он подмел осколки в детской, вызвал по телефону стекольщика, спокойно продиктовав ему размер стекла и адрес дома... Потом наступило время идти за дочерьми, которые в этот злосчастный день гостили у Викиной приятельницы-хиромантки. Хиромантка по имени Зося Хрустальная была многодетной матерью-одиночкой, но ни пятеро ее сыновей-сорванцов, осаждавших

ее малогабаритную комнатенку в коммуналке, ни перманентные материальные трудности не могли поколебать ее глобального оптимизма. Зося на собственной ладони вычитала, что ее со всеми чадами полюбит наследный принц Зимбабве и увезет в свою, полную экзотики и неразработанных алмазных копеек, страну.

Но куда принц не появлялся, в судьбе Зоси посильное участие принимала Вика. По выходным она отправляла Машку с Дашкой к Зосе якобы для того, чтобы они повеселились в дружной ребячьей компании, и заодно привозила ворох всякой одежды и полные сумки еды из ближайшего супермаркета. И совала в руку Зосе пару сотен долларов – «детям на конфеты»...

Авдей в принципе был не против подобных воскресных выездов детей. Тем более что в родные пенаты их всегда привозила жена. Но сейчас дело обстояло иначе. Брошенному супругу предстояло самому отправиться за детьми по адресу, который он практически не помнил...

Одно хорошо, Вика все-таки не настолько безалаберный человек, чтобы игнорировать такое благо цивилизации, как записная книжка. Уж там-то должен быть записан адрес хиромантки Зоси!

Покуда вызванный мастер вставлял в детской стекло, Авдей листал записную книжку жены. И иногда при этом обливался холодным потом. А вам каково было бы, если б вы обнаружили в записной книжке близкого человека адреса и телефоны вампиров, оборотней, колдунов, а также фантомов, близких к правительственным кругам?! То-то и оно!

Адрес Зоси Хрустальной был записан особо. Жила она в районе Коломенской, и Авдей вспомнил, что Вика всегда вызывала такси. Ему тоже стоило поторопиться. Время движется к вечеру, дети уже наверняка хотят домой, а дома их ждет сюрприз в виде исчезнувшей одраконившейся мамы. Весело, нечего сказать!

Впрочем, все время, пока расплачивался со стекольщиком, пока вызывал такси, пока в этом такси ехал, Авдей лелеял надежду, что Вика немедленно вернется. Они с девчонками подъедут, а она – дома, варит очередную кошмарную кашу. Авдей сцепил пальцы и подумал, что ради возвращения жены он этой каши готов съесть по кастрюле в день хоть целый год...

«И зачем я ляпнул, что мне в жизни не хватает приключений?! Вот, хорошенькое приключение – жена превратилась в дракона и исчезла в неизвестном направлении. Представляю, как на меня поглядели бы в милиции, заяви я, что пропала жена. Особые приметы – дракон серебристо-сиреневого цвета. Размер два с половиной – три метра. Цвет глаз – фиолетовый... Черт, шутки шутками, а надо что-то предпринимать. Что я Машке с Дашкой скажу? Они же меня растерзают».

Пока ехал в такси, Авдей придумал и развеял в прах не меньше сотни версий, логично объясняющих дочкам, куда исчезла мама. В конце концов, утомившись ломать голову, он решил, что сначала привезет детей домой, а там уж пойдут все объяснения.

Зося-хиромантка занимала, видимо, самую большую жилплощадь в обшарпанной коммуналке дореволюционной постройки. Привыкший к офисному евродизайну писатель с некоторым опасением двинулся по длинному, освещенному тусклой голой лампочкой коридору, сжимая в руке бумажку с адресом и оглядываясь на грозно свисающие со стен гигантские оцинкованные корыта в щербатых пятнах. За дверями коммуналки шла по случаю воскресенья бурная жизнь: где-то нетрезвый мужской хор жалостливо просил: «Позови меня тихо по имени», где-то гремел магнитофон, выясняя, кто такая Элис, а еще за одной неплотно прикрытой дверью явственно слышались томные вздохи и стоны известного происхождения. Неожиданно как из-под земли перед Авдеем возникла закутанная во фланелевый выцветший халатишко старушонка, сморщенная, сторбленная, с колючим цепким взглядом, и, судя по всему, она явно вознамерилась преградить писателю-фантасту путь своей впалой грудью.

– Вы здесь почему, гражданин? – сурово пропищала она. – Я милицию позову по факту незаконного вторжения! Документики!

И старушка выбросила вперед костлявую, обтянутую фланелькой ручку.

– Я, собственно, к Зосе Венцлавовне, – растерянно пробормотал Авдей, чувствуя себя полным кретином. Ну не воевать же ему со старушонкой!

– Нет здесь таких! – отрезала старушка и зло поджала сморщенные бесцветные губы.

– Как же нет? – Авдей начал злиться. – У меня адрес указан и ключ от общего коридора приложен...

– А дайте-ка его сюда! – Цепкая ручка с неожиданной силой дернула писателя за рукав выходного пиджака, и писатель впервые понял, почему на самом деле Родя Раскольников зарубил старушку-процентщицу.

– Послушайте, вы! – грозно крикнул Авдей, с силой отталкивая от себя противную бабу. – Это не ваше дело!

– Еще какое мое-то, – улыбнулась старушка, и Авдей с мгновенно прошившим сердце ужасом увидел, что зубы у старушонки игольно-острые и блестящие, как ртуть. – Еще вспомняешь меня, как жену-то будешь разыскивать!

– Что?! – Теперь уж Авдей вцепился в старушонку. – Что вы знаете о Вике?!

Но вредная старуха отвечать не пожелала, а, ловко вывернувшись из рук Авдея, взяла и ушла в стену, оклеенную выцветшими обоями.

– Чертовщина. – Авдей вытер пот со лба.

Но чертовщина чертовщиной, а детей-то забирать надо. Наконец коридор привел Авдея к обшитой филёнками двери, на которой красовалась блестящая голографическая наклейка:

ЗОСЯ ХРУСТАЛЬНАЯ.

ХИРОМАНТИЯ.

ВСЕ ВИДЫ ПРЕДСКАЗАНИЙ.

ВАША СУДЬБА – НА ВАШЕЙ ЛАДОНИ!

ПРИЕМ ЕЖЕДНЕВНО В УДОБНОЕ ДЛЯ ВАС ВРЕМЯ.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ВИЗИТА ГАРАНТИРУЕТСЯ!

Под объявлением висел экстравагантный бронзовый колокольчик, а за дверью стоял галдеж, наводящий на мысль об экскурсии детского сада в обезьяний питомник. Авдей различил вдохновенный ор своих любимых дочерей и с облегчением позвонил: он попал куда надо.

Дверь немедленно распахнулась, и перед Авдеем возникла гренадерского роста дама в ярко-желтом кимоно, едва не трещавшем на мощной груди. Из-за спины дамы повысовывались любопытствующие детские мордашки, две из которых ошеломленному писателю-фантасту были весьма хорошо знакомы.

– Папа! – завопили Марья и Дарья. – Это наш папа пришел, не бойтесь! Мы его возьмем в плен как бледнолицего шпиона!

– У-лю-лю-лю-лю! – согласно завопили перемазанные акварельными красками и гуашью малолетние краснокожие и устрашающе затрясли пластмассовыми томагавками.

– Отставить плен! – громогласно приказала дама-гренадер, левой мощной дланью направляя детей прочь из коридора, а правую протягивая Авдею. – Зося. А вы, вероятно, Викин муж, Авдей? Рада вас видеть. Проходите, будьте как дома.

– С-спасибо, – выдал Авдей. Рукопожатие хиромантки было весьма ощутимым.

Он прошел следом за хозяйкой в небольшую комнатку, вероятно считавшуюся гостиной, и огляделся.

– Ого, – сказал Авдей.

– Я здесь принимаю клиентов, а им нужен небольшой элемент экзотики, чтобы настроиться на мистический лад.

Надо думать, Зосины клиенты настраивались моментально, едва им посчастливилось видеть то, что увидел Авдей. Стены небольшой овальной комнаты не были оклеены обоями,

а обиты темно-фиолетовой бархатной тканью с разбросанным узором из желтых лун, звезд и зодиакальных колец. Кроме того, по стенам скалились вырезанные из темного дерева уродливые клыкастые маски с переливчатыми перламутровыми вставками вместо глаз. Эти незрячие глаза вызывающе пялились на каждого посетителя и заставляли их припомнить все свои прегрешения... С потолка спускалась пыльная хрустальная люстра, на рожках которой красовалось не меньше полдюжины эолий – подвешенных на лесках разнокалиберных трубочек, тонко и красиво позванивающих от малейшего колебания воздуха. У окна, не занавешенного портьерой, на обычной табуретке стояла оклеенная фольгой кадка с раскидистым фикусом. В центре комнаты располагался овальный же стол, накрытый бордовой, похожей на парчу тканью. С одной стороны ткань была откинута, демонстрируя нескромному взору обычную клеенку с горкой невымытых тарелок и упаковками из-под кефира – остаток чьего-то ужина. На венских стульях висели детские колготки, в официальное время приема клиентов наверняка убираемые в шкаф, стоявший тут же и почему-то украшенный большим плакатом с физиономией Дэвида Копперфилда.

Зося, нимало не смущаясь, накрыла грязные тарелки полосатым посудным полотенцем, сдернула с одного из стульев колготки, засунув их при этом в карман своего ярко-желтого кимоно, поправила прическу и предложила басом:

– Присаживайтесь.

– А вы?

– Я постою. В дверях. – В подтверждение хиромантка прочно прижала своей кормой двери. – Иначе эти сорванцы не дадут нам спокойно поговорить. Вы ведь приехали не просто для того, чтобы забрать девочек? С Викой что-то стряслось?

– Как... как вы догадались?

Зося усмехнулась:

– Да уж не в магическом кристалле узрела! Во-первых, по вашему растерянному и плохо выбритому лицу. А во-вторых, моя дорогая подруга всегда самолично приезжает за детишками. А раз она не приехала, то...

– Вы правы.

Авдей вздохнул и вкратце изложил суть дела. По ходу его рассказа в дверь пару раз ударили детские кулачки с требованием: «Откройте, полиция!», кто-то угрожающе-пискливо завывал, изображая злобное привидение, и, наконец, все тот же детский хор фальшиво, но самозабвенно исполнил известную песню «Владимирский централ».

– Это не Викин образ, – раздумчиво пробормотала хиромантка, когда Авдей закончил свою печальную повесть брошенного супруга.

– Простите, Зося, я не совсем понимаю...

– Молчать на шканцах! Авдей, это я не вам. Никакого сладу с этой командой... Впрочем, к делу. Авдей, скажите откровенно: часто ли Вика превращалась при вас либо при детях.

– Никогда! До... последнего момента. И вообще это был ее принцип – дома, а тем более при детях – никакой магии! Она старалась, чтобы девчонки не знали, до поры до времени, разумеется, какими особенностями обладает их мать. А сегодня – просто не знаю, что на нее нашло!

(О том, что он жаловался жене на кислое настроение и творческий кризис, Авдей предпочел благоразумно умолчать.)

– Так, так... – Зося поманила к себе массивное старинное кресло, и оно, неуклюже покачиваясь, подплыло к ней. Зося тщательно притиснула креслом дверь (за дверью раздался новый взрыв возмущенных детских воплей), а сама пошарила в кадке с фикусом и достала оттуда небольшое зеркальце в потрескавшейся пластмассовой оправе, вроде тех, что продаются на каждом рынке.

– Ну что, свет мой, зеркальце. – Зося подышала на запорошенную землей блестящую поверхность и протерла ее не очень чистым рукавом халата. – Запускайся давай. Покажи мне мою подругу любезную, ведьму Викку!

В зеркале отразилось пасмурное осеннее небо, затянутое неопрятными облаками. Зося озадаченно хмыкнула, и тут в серой пелене облаков на мгновение высверкнула сиреневая молния.

– Зафиксировать! – приказала зеркальцу Зося.

Изображение послушно зафиксировалось и укрупнилось. Приглядевшись к этой молнии, Зося и Авдей увидели танцующего в небе дракона. Его чешуя светилась сама собой, крылья были прозрачными, как слюда, но весьма внушительными, а из ноздрей валил пар.

– Ну и ну! – вымолвила Зося и перевернула зеркальце.

– Вы... зачем?! – ахнул Авдей. – Мы же могли узнать, где она сейчас находится!

– Я и без зеркала это знаю, – вздохнула Зося и, подойдя к шкафу, выудила из его недр пузатую бутылочку с подозрительно темной плещущейся жидкостью. – Будешь? Не волнуйся, это всего-навсего домашняя настойка на ежевике. Сама делала. А то, может, тебе трудно слушать меня на трезвую голову.

– Я не пью, – мрачно соврал Авдей, помня о том, что ему еще детей домой везти и с ними объясняться. Ох, горе горькое...

– Лады. А себе я налью. – Зося нацедила из бутылочки в маленький стаканчик и бойко его опрокинула. – Слушай теперь внимательно.

Она принялась расхаживать вокруг стола.

– Итак, драконы. Они же, судя по нашему фольклору, Змеи Горынычи, змеи Тугарины и тому подобное. Некоторые считают их реально существовавшими животными, вымершими, однако, вследствие неблагоприятной экологической обстановки. Другие видят в драконах только мифических персонажей, наделенных злым разумом, любовью к золоту и молоденьким девственницам. Да, и еще от этих драконов требовалось существовать хотя бы для того, чтобы у средневекового рыцаря был благопристойный повод слинять от поднадоевшей дамы сердца: дескать, еду на подвиги, дорогая, жди к ужину, привезу тебе голову дракона... Но! – Зося подняла указательный палец. – С тех пор концепция генезиса драконов значительно изменилась. И прежде всего потому, что на самом деле созданием так называемой морфической структуры дракона занимаются колдуны и ведьмы. Непонятно? Объясняю. Сейчас драконы – это не драконы, какими мы их *привыкли представлять*, а люди, которые решили, что *могут стать драконами*. И стали ими! Их нельзя назвать оборотнями, потому что оборотень не волен выбирать свой образ, а также время превращения. Скорее, это люди, в которых живет свой дракон. Это даже у кого-то из классиков я читала: в каждом присутствует свой дракон.

– Ты хочешь сказать, что у моей Вики душа дракона?!

– Не совсем... Хотя что в этом ужасного? Все зависит от того, под каким углом смотреть на вопрос о драконах. Ты считаешь, что люди-драконы противоестественны.

– Но...

– Погоди. Пойдем путем элементарного сравнения. Твоя жена – ведьма. Так?

– Так.

– И при этом, осознавая ее, скажем так, необычную сущность, ты ее нелицемерно любишь. И всячески готов не только оправдать, но и защищать ее право на существование. Так?

– Ну разумеется.

– Это для тебя (ой, ты не сердись, что я на «ты» перешла?) разумеется. А вот для автора «Молота ведьм» и подобных ему разумеется совершенно обратное. Для них твоя жена – пособница дьявола, исчадь зла, чью душу может спасти только искупительный костер... Так

вот. То же самое происходит и с драконами. Кто-то считает, что они зло. Кто-то считает, что они – экзотика, необходимый элемент сказки или мифа. А на самом деле они – сами по себе. Как, впрочем, и ведьмы.

– А... угроза обществу?

Зося засмеялась так, что ее грудь волнообразно заколыхалась.

– Авдей, какие-нибудь обкурившиеся марихуаны террористы куда больше угрожают обществу, чем все маги вместе взятые! Поверь, это так.

– У Вики была тетка, черная ведьма. Так вот она лет пять назад представляла реальную угрозу для всего мира. У нее такие властолюбивые мечты были!

– Ну и что, воплотились они? Вика мне рассказывала, я в курсе...

– Нет, погоди. Как у Вики может быть сознание дракона?! Дракон – это нечисть, вроде вампиров, зомби, оборотней. А Вика – светлая ведьма.

Зося внимательно поглядела на Авдея. При этом серые глаза хиромантки приобрели явственный оттенок старого золота.

– Светлая, говоришь, – повторила она. – А все остальные, значит, темные, плохие-нехорошие. Это кто ж тебя такой глупости научил?!

– Ну как... Читал. Оккультную литературу. Всякую.

Хиромантка презрительно фыркнула:

– Слушай меня и повышай свой ай-кью, писатель! Все эти разговоры о темной и светлой магии, темной и светлой нежити выдуманы знаешь кем? *Обычными* людьми. В том числе и вами, почтенными писателями-фантастами. *Потому что так проще.* Отчерчивать. *Отделять.* Это – горбатая ведьма, наводит порчу, она злая. А это – хрупкая прелестная волшебница, она исполняет заветные мечты, она добрая. А на самом-то деле нет добрых ведьм и злых вампиров! Есть существа, почти такие же люди, только душа у них немножко наизнанку, понимаешь? Как различить, кто светел, кто темен?

– Если творит зло, значит...

– Угу. Вампир питается энергией жертвы – это зло. А вот если ведьма помогает отчаявшейся девушке приворожить ушедшего к другой парня – это как, добро? Бедная девушка, она так его любит, а он ушел. Вот он выпьет подмешанное в кока-колу приворотное зелье и вернется. Но вернется не по своей воле – раз, и при этом бросив другую любящую его девушку – два. *Добрая это ведьма?*

– Ты берешь крайности.

– Ваши рассуждения о свете и тьме тоже крайности. Жизнь на самом деле состоит из полутонов. И кстати, историю с парнем и девушкой я не выдумала. Девушка (реальная, студентка МГУ, между прочим!) обратилась за приворотным зельем к одной ведьме, говоря, что иначе без любимого парня покончит с собой. Ведьма дала ей это зелье. Девушка вышла замуж за парня, а через год его бросила. Действие зелья кончилось.

– И кто же эта ведьма, творящая такие дела?

– Твоя жена, – спокойно сказала Зося.

– Но Вика никогда за это время не занималась подобными вещами...

– Дома – нет. А у меня иногда – да. По старой памяти. Ну так как? Черная ведьма твоя жена? Воплощенное зло?

– Перестань! – Авдей схватился за голову. – Какие вещи я о Вике узнаю... Ужас просто!

– Вот твое стереотипное мышление и сработало! Ты ж знал, что она ведьма. Чего ж теперь испугался? Того, что она еще и дракончик?

– Нет. Но я хочу ее найти. Я хочу, чтобы она вернулась. В человеческом обличье.

– Вот речь не мальчика, но мужа. Да успокойся ты! Она сама благополучно найдется, когда ее сознание прекратит двоиться и над драконьим возобладает человеческое...

– А детям я что скажу?! Зося, ведь это катастрофа!

Зоя опять засмеялась:

– Знаю, в чем твоя катастрофа. Придется самому мыть девочек, готовить еду, стирать и гладить их платишки. И в сад водить. Да? Ничего, не рассыплешься. Считай, что жена взяла отпуск и уехала в санаторий для утомленных хозяйством ведьм. А если серьезно, Авдей, я тебе с девочками всегда готова помочь. Привози их, если у тебя будут срочные дела, а их оставить не на кого. Здесь им весело.

В подтверждение последних слов Зои тяжелое кресло медленно отъехало от двери, образовав небольшую щель. В щель по одному аккуратно просочились пятеро мальчиков и две девочки разной степени замызганности и встрепанности.

– Я разве велела заходить? – спросила Зоя, стараясь быть суровой.

– Мам, мы там уже во все переиграли! И в казаков-разбойников, и в русскую рулетку, и в молодоженов, и в умников и умниц. И даже в «догони меня, кирпич» успели сыграть! – похвастался самый старший мальчик в изрисованном фломастерами джинсовом костюмчике.

– Сокровище мое, – умилилась мама. – Брысь в ванную! И братьев с собой прихвати! Марья и Дарья, стоять! Вас это не касается. Папа приехал вас забрать.

Дочери немедленно повисли на Авдее, галдя наперебой:

– А мы еще к тете Зосе приедем?

– А ты уже купил самокат, как я просила?

– А Машка опять ковырялась в носу и козюли об диван вытирала!

– Это ты вытирала! Ябеда!

– Ти-хо! – возвысил голос счастливый отец. – Все вопросы потом. Время позднее, нам пора домой, у тети Зоси и так от вас уже мигрень!

Авдей вызвал такси и, уже прощаясь с хироманткой, смущенно спросил:

– Зоя, ты не знаешь, тут у вас такая противная старуха живет... Как прицепилась ко мне сегодня, документы требовала, милицией грозилась!

– А, это Дуся-фланелька! – махнула рукой Зоя. – Привидение наше местное, коммунальное. Пережиток тоталитарного времени. Ее репрессировали в тридцать седьмом за спекуляции валютой, вот ее душа тут и мается. Ты ее в другой раз не пугайся, она неопасная, болтает глупости всякие...

– Но она сказала, что ей что-то известно о Вике...

– Да говорю же, глупости. Все привидения способны человеческие мысли читать и сканировать эмоциональный фон. Она и учуяла, что ты о жене беспокоишься. Между прочим, многие ясновидцы на самом деле и не ясновидцы вовсе, а просто при себе парочку привидений держат, чтобы выяснять мысли клиентов. Но это я так, к слову...

Наконец такси приехало, затянувшийся ритуал прощания завершился. Дочки уселись в машину, и едва та тронулась с места, задали папе лобовой вопрос:

– Почему за нами не приехала мама? Где она?

Авдей, стиснув зубы, простонал:

– Началось...

* * *

Где женщины – там делу гибель.
Lone de Vega

Началось все, как всегда, с медитации. Происшедшие в колонии события взволновали даже тех, кто внешне сохранял невозмутимость. О таинственной пропаже, возвращении и новой окончательной уже пропаже трупа Иринки-сводницы заключенные шептались потихоньку от охраны. Охрана же ужесточила правила, лишив на две недели всех зэков прогулок

и свиданий. Исключение составляли только те, кто вместе со старухой Мумё по-прежнему в урочный час собирался в медитационной комнате и украшал бесконечное количество заказанных для продажи вееров золотистой тесьмой и цветным бисером...

– Сегодня, – сказала Мумё, когда женщины вышли из транса и благостно-расслабленно поглядывали вокруг, – я хочу рассказать вам притчу о мертвом и живом.

«Было это в двенадцатый год эры Эйроку. Некий монах со своим учеником шли из обители в обедневший горный замок к умирающему ронину, дабы напутствовать его учением Просветленных. Стояла середина осени, и на листья криптомерии упал первый снег. Ученик залюбовался сочетанием цветов – багрово-зеленого и белого – и сказал:

– Учитель! Взгляните, так и в жизни сочетаются рядом живое и мертвое.

Старец тоже посмотрел на усыпанный хлопьями снега еще зеленый сад и ответил:

– Где ты видишь здесь живое и где – мертвое?

Ученик растерялся и не смог найти ответа. Тогда старец сказал:

– Неразумие! Все когда-то живо, и все когда-то мертво. Кто даровал тебе такое зрение, чтобы увидеть разницу в этом? Ведь ты не можешь даже судить о том, жив ли ты сам...»

Мумё замолкла, прикрыв глаза. Ее дряхлые веки подергивались, а пальцы методично перебирали нефритовые четки.

– Чему же учит нас эта притча? – осмелилась задать вопрос Фусими, которой уже поднадоело сидеть на пятках, да к тому же хотелось есть.

Наставница открыла глаза. Они были белыми, как снег, о котором она только что говорила, и с вертикальной зеленой полосой зрачка.

– Эта притча о том, – заговорила она, и в голосе ее послышалась холодная усмешка, – что живое может стать мертвым точно так же, как и мертвое может стать живым. Вот доказательство тому.

Все посмотрели туда, куда указывал длинный тонкий палец Безымянной флейты – на столик с резными фигурками крыс-солдат. Фигурки эти стояли неподвижно, но через мгновение женщины ахнули: деревянные и костяные игрушки зашевелились, в их глазках заблестела жизнь, и скоро первая крыса, увеличившись в размерах до хорошей дворняги, вперевалочку подошла к Мумё и поклонилась, придерживая лапой висевший у пояса самурайский меч.

– Я нарекаю тебя Фудзивара и повелеваю стать сёгуном нашей армии! – торжественно сказала Мумё крысе.

– Повелишь ли нам сейчас идти в бой, о носящая покрывало чужой души? – пропищала крыса, воинственно оттопырив блестящий чешуйчатый хвост.

– Нет, о Фудзивара. Я лишь хотела показать нашим единомышленницам то, как неживое может исполниться жизни и силы. Ты и твоя армия поприветствуйте идущих путем Просветления.

Новоиспеченный сёгун издал то ли писк, то ли шип, и армия вооруженных крыс ринулась со столика. Мгновенно построившись согласно рангу, ожившие воители почтительно поклонились немому от изумления арестанткам.

– О Фудзивара! – сказала Мумё. – Пусть твои воины накрепко запомнят вид и запах этих женщин, ибо по первому зову каждой из них вы должны немедленно явиться и исполнить любой приказ.

Женщинам показалось, что алые крысиные глазки просверливают их лица, точно лучом лазера.

– Все выполнено, – поклонился сёгун. – Прикажешь ли еще что, скрываемая туманом от непосвященных?

– Нет. До наступления нашего часа вновь займите свои места.

Крысы беспрекословно повиновались, и через пару минут столик снова был украшен изящными резными фигурками. О недавнем явлении загадочных крыс-оборотней напоминали только несколько темных катышков помета на циновках. Мумё брезгливо вздернула губу:

– Ама-но кавара, возьми метлу и прибери это. К сожалению, наше войско еще не совсем опрятно. Кстати, сестры, что вы думаете обо всем этом?

– Это... чудо, – прогнав из голоса хрипотцу, сказала Тамахоси. – Как это удалось тебе, Госпожа наставница?

– Как – не важно, главное, что *удалось*, – с ноткой самодовольства ответила старуха Мумё. – Но я ожидала от вас, сестры, более мудрого вопроса...

И тут голос подала вечная трусиха Фусими:

– А зачем ты совершила это чудо, Госпожа?

Мумё от восторга даже хлопнула в ладоши:

– Фусими, как верен твой вопрос! Итак, для чего совершается чудо? Ведь неразумно совершать его просто так, для потехи непосвященных... У чуда всегда есть цель. И цель этого чуда, о сестры, показать вам, что мы уже достаточно сильны и сплочены, чтобы обрести желанную свободу, а вместе с нею силу и власть, которые не снились многим смертным... Но! – Тут глаза старухи вспыхнули зеленым огнем и пристально вгляделись в каждую из женщин. – Чуду не нужны малодушные и недостойные. А также те, кто в сердце таит неверность нашему учению. Надеюсь, таких здесь нет.

– Нет, о нет! – загалдели посвященные.

– Это не ответ. Дабы мы действительно сумели свершить задуманное, нужна клятва, страшная клятва. У вас еще есть минута, чтобы уйти и не участвовать в том, что должно произойти. Я никого не удерживаю, так мне велено свыше. Но тот, кто решится остаться и принести клятву, должен понять всем сердцем: обратного пути у него нет! Я хочу посмотреть в глаза каждой из вас и спросить сердце каждой из вас: готовы ли вы к тому, чтобы стать воплощением Учения... Встаньте и постройтесь в ряд.

Женщины торопливо исполнили приказ. Старуха Мумё величаво подходила к каждой и пристально всматривалась в нее странным, почти нечеловеческим взглядом.

– Асунаро. Ты почтительна и исполнительна, хотя однажды в прошлой жизни ты дала волю черному гневу и толкнула под поезд своего мужа, пьянством и побоями не дававшего тебе жить. Не нужно бледнеть, Асунаро, все совершенное уже прощено тебе в счет твоих будущих деяний. Великая Черная Госпожа укроет тебя от гнева, если ты останешься верна ей...

– Я буду верна, – прошептала Асунаро.

Взгляд нечеловеческих глаз прошивал ее насквозь, как игла – лоскут батиста.

– Хорошо, Асунаро. Ты сумеешь быть полезной, ибо, как говорит пословица, если женщина захочет, сквозь гору Фудзи пройдет. Это о тебе, Асунаро, тихой, покорной, но в должный час сильной, словно легион демонов...

Мумё подошла к следующей женщине – самой молодой и самой красивой.

– Ама-но кавара, Небесная река... Недаром тебя нарекли таким именем в нашем приюте. Ты действительно красива, как небесный звездный поток, и твои женские чары помогали тебе вершить преступления, подкупая таможенников, дабы провезти наркотики и прочий дурман в страну... В хитрости, лукавстве и красоте – твоя сила, но... Не опускай глаз!

Римма Пустякова – Небесная река вскинула перепуганные глаза:

– Простите, Госпожа! – хотя на душе у нее было жутко.

– Помни: твое лукавство и умение хитро изворачиваться должны применяться только на пользу нашей общине. И горе тебе, если даже в уме ты на секунду помыслишь иное! Ведь красота так беззащитна, а сделать прекрасное лицо безобразным могут не только годы. Ты поняла меня?

– Да, Госпожа. Я всею душою стану служить твоему Учению.

– Хорошо. – Теперь Мумё пристально разглядывала одутловатое, с синяками под глазами, лицо Кагами, которому не помогали похорошеть никакие белила и сурьма. – Кагами, ты слишком много пропила в своей жизни и потому твои руки дрожат, не в силах удержать даже вязальной спицы... Твой порок сослужил тебе плохую службу: четверых твоих собутыльников, среди коих были свекровь и брат, ты отправила на тот свет, напоив метиловым спиртом вместо самогона. Я знаю, на суде ты клялась, что случайно перепутала бутылки! Но тебе не поверили, и ты затаила в сердце злобу на тех, кто облечен властью судить и распоряжаться человеческими жизнями. Права ли я буду, если скажу, что в сердце твоём свила гнездо месть?

– Да, – глухо вымолвила Кагами. Во время речи старухи она неуловимо преобразилась: вечно ссутуленные плечи распрямились, на щеках выступил нездоровый румянец, а глаза сверкнули мстительным блеском. Казалось, словам Мумё о мести она внимает в каком-то преступном упоении.

– Что ж, мстительная женщина сильнее двух самураев, так говорит поговорка, – тонко улыбнулась Мумё. – Но одно настораживает меня в тебе, Кагами: когда придет час нашей свободы, не предашь ли ты священное дело за чарку sake?

– Нет. И да поможет мне Великая Черная Госпожа! – горячо выдохнула горькая пьяница. Но старуха уже шла к следующей женщине.

– Тамахоси, – мягко, почти ласково сказала она той. – Я наблюдаю тебя растерянной и смущенной. И знаю, почему тебя обуревают подобные чувства. Ты только что увидела, как вырезанные тобою из мертвого дерева фигурки ожили и превратились в грозную рать. В том, что такое чудо стало возможно, есть и толика твоей заслуги. Ведь когда ты делала эти фигурки, Тамахоси, ты втайне мечтала о том, чтобы они ожили, как мечтала о том, чтоб ожила твоя дочь, зарезанная тобой.

– Да! Если бы это было возможно, – выдохнула-простонала Тамахоси, и ее лицо исказилось от подступающих рыданий.

Старуха чуть коснулась ее плеча:

– Поверь, когда настанет час нашей власти и силы, ничего не будет невозможного. И твое трудолюбие и терпение вернут тебе не только свободу, но и...

– Госпожа!.. – воскликнула Тамахоси, намереваясь пасть на колени.

– Ни слова более! Лишь оставайся верной, и все получишь. – С этими словами Мумё оказалась лицом к лицу с самой невзрачной, жалкой и бесцветной женщиной.

– Фусими, как верно выбрано тебе имя, ибо действительно твой взор всегда потуплен, а сама ты словно стремишься спрятаться от солнечного света. Но это и есть твое главное достоинство, Фусими! Тот, кто преступил закон, написанный людьми и для людей, должен быть для людей незаметным. А ты преступила закон, хотя кто бы мог подумать, что такая невзрачная «компьютерная мышка» станет причиной банкротства целой фирмы?

– О, это неправда, меня подставил босс! – прошептала Фусими.

– Возможно. Но тогда и у тебя есть счет к этому миру. И ты, незаметная, тихая, сможешь сделать свое дело так, что ни один земной судья или сыщик не сможет тебя поймать! Лишь бы ты не струсилa, ибо трусость не приведет к славе...

– Я не стану трусихой, верьте мне! – воскликнула Фусими. Возвысила голос впервые за все время пребывания в Приюте Обретения Гармонии.

– Хорошо, сестры. Среди вас не найдено ни одной, кто пожелал бы покинуть наш путь. Я испытала вас. И теперь самое время связать наш союз клятвой.

Мумё подошла к столику для чайных церемоний и взяла с него неглазированную чашу из темной глины. На бортиках чаши были выдавлены два иероглифа, означающих «верность» и «непреклонность».

– Дай мне свой нож, Тамахоси, – негромко приказала она.

Та повиновалась и протянула нож. Старуха взяла в одну руку нож, в другой держала чашу и провозгласила:

– Каждая из вас должна подойти ко мне, дабы принести свою кровь в свидетельство принимаемой клятвы.

Первой подошла Кагами, обнажив запястье левой руки. Мумё умело полоснула его ножом и подставила под капающую кровь чашу. Затем провела по кровоточащей ране рукой:

– Достаточно. – И рана затянулась, словно ее и не было.

Следом за Кагами потянулись и остальные сообщницы, протягивали руки, отдавали кровь и с зажившими ранами возвращались на свои циновки. Они делали это абсолютно беспрекословно, лишь у Небесной реки мелькнула неторжественная мысль: «Всех одним ножичком, а он небось нестерильный». Тут же, словно прочитав ее мысли, Мумё сказала:

– Сестры, не будьте малодушны и не страшитесь заразиться или оскверниться от этого ножа, ибо, наоборот, он очистит вас от прежней скверны!

Когда кровь всех женщин заплескалась в чаше, Мумё засучила рукав левой руки и сделала себе глубокий надрез от локтя до кисти, так что многие внутренне передернулись. В чашу полилась кровь, но не красная, а темно-бурая, словно ржавчина, и густая, как смола. В воздухе же запахло мертвецкой...

Теперь чаша была полна. Мумё опустила рукав, и кровь ее перестала течь.

– Вонмите, – сказала старуха, – я призываю свидетеля нашей клятвы!

И из ее правого рукава выбралась крупная заспанная крыса, та самая, которой испугалась телеведущая Линда. Мумё бережно опустила крысу на столик рядом с чашей крови. Крыса сразу встревоженно встала на задние лапки и начала принюхиваться.

– Это не просто крыса, сестры. Это наш свидетель и наш терафим, который возьмет, чтобы потом возвратить сторицей. Перед ней мы произнесем нашу клятву!

Мы не свернем с начертанного пути.

Мы не выдадим наших тайн непосвященным.

Мы не испугаемся смерти, ибо мы сами – смерть.

Мы не испугаемся закона, ибо мы сами – закон.

Мы подчиняемся только Великой Черной Госпоже, которой вручаем наши тела, души и помыслы.

Мы не пощадим ничего и никого ради торжества Учения.

Пока женщины хором произносили слова клятвы, вторя старухе Мумё, крыса-терафим, опершись передними лапками о край чаши, острым язычком быстро лакала кровь. И, едва были произнесены последние слова, она опрокинула чашу, тем самым показывая, что более в ней нет ни капли.

– Наши жертва и клятва приняты! – торжествуя сказала Мумё, а порядком потолстевшая крыса принялась умываться. – Знаете ли вы, на что способен этот терафим, напившись нашей крови?

– Нет...

– Он в любой момент сможет принять облик каждой из нас: поодиночке либо всех вместе! А мы поспешим вершить те дела, которые призваны вершить на свободе!

– Но... если на воле нас кто-нибудь опознает...

– Верьте мне: как эта крыса способна принимать наш облик, так и мы сможем укрываться под личиной крысы.

– Мы – оборотни... – протянула Ама-но кавара.

– Да, но не это главное. Главное то, что нам предстоит сделать. Но об этом вы узнаете позднее...

– Когда же произойдет подмена и мы окажемся на свободе? – нетерпеливо спросила Кагами.

– Потерпи, сестра, ждать не так уж и долго. У нас ведь должна быть не только армия, которая стоит на столике, но и рабы, полностью подчиненные нашей воле, – духи, готовые ради нас на все. Они будут, будут... Крысы об этом позаботятся. – Мумё улыбнулась. – Для начала вы уже знаете немало. Давайте возвратимся в наши камеры и продолжим жизнь арестанток. Ненадолго.

И все они действительно вернулись в свои унылые камеры, лучезарно улыбаясь охранникам, напевая про себя синтоистские гимны. И наступившая ночь прошла для этих женщин спокойно, им снились сны, предвещавшие богатство, власть, свободу и славу...

А вот пятерым охранникам не повезло. Их (причем дежуривших на разных объектах) покусали крысы. Да так, что к утру у крепких и абсолютно здоровых мужчин началась лихорадка. Ия Карловна сбилась с ног, делая уколы своим неожиданным больным. Но никакие уколы, промывания и прижигания не помогли: у всех пятерых фантастически стремительно развился сепсис, и в семь часов утра, перед общей побудкой, полковник Кирпичный мрачно взирал на пять остывающих трупов, вытянувшихся на жестких больничных койках. Рядом с полковником тихо рыдала Ия Карловна, сморкаясь в ватно-марлевую повязку. Полковник же, стремительно трезвея, мучительно пытался понять, что за напасть постигла его доселе образцовую женскую колонию.

– Да перестаньте же выть, Ия Карловна! – не выдержав, рявкнул он. – Обеспечьте-ка лучше полную дезинфекцию служебных помещений, а также камер. И это... яду крысиного насыпьте, я выдам, у меня есть, специальный...

Врачиха кивала, соглашаясь. Полковник Кирпичный вздохнул:

– Жалко, конечно, парней, но что поделать, видать, судьба. Родственникам сообщим немедленно, на похороны денег выдадим... Ну, прекратите реветь! Все-таки это еще не конец света...

* * *

На столе опять красовались коньяк, ликер, дорогие закуски...

В. Шефнер

– Все-таки это еще не конец света, – авторитетно заявил элегантно одетый и выбритый мужчина другому мужчине, одетому по-домашнему и глубоко небритому, наливая себе вермута «Феллини» в бокальчик с алмазной гранью.

– Ну, это как сказать! – вскинулся было небритый, но сник и налил себе простого армянского коньяку. В красную кружку «Нескафе»...

– За удачу! – Они чокнулись и выпили.

Небритый и по-домашнему (несвежий велюровый халат плюс тапочки-шлепанцы на босу ногу) облаченный мужчина был, разумеется, лидер отечественной фантастики Авдей Белинский. Мужчина же выбритый, благоухающий дорогим парижским лосьоном, носящий элитнейшую бизнес-тройку от Пако Рабанна, блистающий платиновыми, с изумрудной крошкой запонками в манжетах ослепительно-белой рубашки, был не кто иной, как Калистрат Иосифович Бальзамов. Он же Баронет, маг на службе у закона, преданный солдат (точнее, генерал) европейского Трибунала Семи Великих Матерей Ведьм и тесть Авдея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.